

А. К. Лауринчюкас

ГОРСТЬ РИСА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

А. К. Лауринчюкас

ГОРСТЬ РИСА

Заметки
о Филиппинах

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

9(И5)
Л 29

Редакционная коллегия
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА,
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с литовского
Б. БАЛАШЯВИЧЮСА
Ответственный редактор
и автор предисловия
И. В. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

Фото автора

Л $\frac{20901-073}{013(02)-81}$ 141-81. 1905020000

9(И5)

Альбертас Лауринчюкас

ГОРСТЬ РИСА
(Заметки о Филиппинах)

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор Ю. О. Бем. Младший редактор Л. В. Исаева. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор Л. С. Кузнецова

ИБ № 14239

Сдано в набор 29.08.80. Подписано к печати 05.03.81. А-08447. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 3,78. Усл. кр.-отт. 4,41. Уч.-изд. л. 3,78. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4823. Зак. 595. Цена 25 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3 я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
Люберцы, Октябрьский проспект, 403. Заказ 3209

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

Считается, и с полным основанием, что если уроженец Азии, впервые совершающий путешествие в страны Запада, едет через Филиппины, то, попав в эту страну, он уже ощущает себя на Западе. Но точно так же и уроженец Запада, впервые совершающий путешествие в страны Востока, попав на Филиппины, не сомневается, что он уже на Востоке. Такова эта страна: восточная — для уроженцев Запада и западная — для уроженцев Востока. Разумеется, понятия «западный» и «восточный» здесь берутся не в географическом, а в культурном смысле. Сами же филиппинцы воспринимают эти различные влияния, по их словам, как море, в которое впадает множество рек.

Наш воображаемый путешественник — будь он уроженец Востока или Запада — довольно легко отличает на Филиппинах «свое» от «чужого». Но исторические судьбы Филиппин сложились так, что обитатели этой страны считают культурное наследие как Запада, так и Востока «своим» и вовсе не намерены поступаться какой-либо частью его в угоду сторонникам «чистой культуры», о чем обоснованно пишет автор настоящей книги.

Эти исторические судьбы не всегда определялись самими филиппинцами. Острова открыл Фернан Магеллан. «Открыл», разумеется, только для европейцев: сами филиппинцы ни в каком открытии не нуждались, а соседние страны (Индия, Китай, государства Индокитая и Индонезия) с незапамятных времен вели торговлю с архипелагом. Заплывали сюда и арабские купцы, принесшие ислам, который пустил столь глубокие корни, что и поныне значительная часть населения юга страны исповедует эту религию.

Магеллан был великим путешественником; он первый обогнул земной шар. Человечество сохранило о нем благодарную память. Чтут его и филиппинцы: на месте гибели Магеллана, на островке Мактан, они установили его монумент. Но Магеллан был и безжалостным конкистадором, присоединившим к испанской короне обширный архипелаг. А потому для филиппинцев он в то же время и первый колонизатор, поработитель, против которого они поднялись вскоре после его высадки на острове Себу. Его убил филиппинский

вождь Лапу-Лапу, которого филиппинцы чтут как первого борца против колониального гнета. Ему тоже сооружен памятник — по соседству с памятником Магеллану. В камне увековечены два непримиримых врага, и уже одно это свидетельствует о том, что в отношении филиппинцев к своей истории все далеко не так просто.

К моменту появления на островах конкистадоров филиппинцы жили разрозненными общинами и лишь кое-где на юге уже сложились государственные образования — мусульманские султанаты. Разобщенность облегчила завоевание; используя вечный принцип «разделяй и властвуй», испанцы натравливали одни племена на другие и относительно быстро покорили страну. Поэтому часто можно встретить неверное утверждение о том, будто Испания объединила филиппинцев, создала единую филиппинскую нацию. Никакого единства филиппинцев Испания не создала и не намерена была создать. Оно сложилось не по воле испанцев, а вопреки ей, в борьбе против колонизаторов, в ходе которой выработалось национальное самосознание. На протяжении всего периода испанского господства филиппинцы не прекращали борьбы против захватчиков, которая с годами набирала силу и в конце XIX в. завершилась победоносной антииспанской национально-освободительной революцией.

Но не филиппинцам достались плоды победы. Капитализм вступил в свою последнюю стадию — империализм, когда началась борьба за передел мира между капиталистическими державами. В 1898 г. вспыхнула испано-американская война — по определению В. И. Ленина, первая империалистическая война за передел мира. Новый капиталистический хищник — США — захватил архипелаг после продолжительной филиппино-американской войны и установил свое господство, длившееся почти полвека. В 1946 г. Филиппины получили независимость, но США связали молодое государство соглашениями, обеспечившими бывшей метрополии политический, экономический и военный диктат. Борьба с ним не завершена и по сей день, хотя Филиппины уже многое сделали для достижения подлинной независимости.

Такова вкратце история этой страны. Как горько шутят сами филиппинцы, четыреста лет они жили в испанском монастыре, а потом полвека — в Голливуде. И это наложило глубокий отпечаток на их самосознание.

Главное наследие «испанского монастыря» — католицизм. Филиппины — единственная страна в Азии, где господствующей религией является христианство (84% населения — католики). Не найдя на архипелаге золота и пряностей, испанцы все свои силы направили на христианизацию страны. В этом они преуспели довольно быстро,

ибо анимистические религиозные представления жителей островов не могли противостоять развитой христианской доктрине, насаждение которой подкреплялось мушкетами и аркебузами. Обращением занимались монахи разных орденов. Монах стал главным представителем колонизаторов на архипелаге, а ордены превратились в феодальных эксплуататоров, владевших значительной частью земель. Не случайно Филиппины считались не просто колонией, а своеобразным «теократическим образованием». Борьба против колониального гнета неизбежно выливалась в борьбу против монашеского засилья. В ней участвовали лучшие люди Филиппин, в том числе национальный герой страны Хосе Рисаль, казненный испанскими колонизаторами в самом начале революции. Читатель не раз встретит его имя на страницах этой книги.

На первый взгляд победа католицизма на Филиппинах не вызывает сомнений. По всей стране рассеяны церкви, всегда полные верующих, над архипелагом не смолкает звон колоколов. Но здесь не следует обольщаться. Прежние, дохристианские верования не умерли, они причудливо переплелись с христианскими (построив хижину, филиппинский крестьянин, как в языческие времена, кропит ее, например, кровью жертвенной курицы, а потом зовет католического священника, который кропит ее святой водой), образовав так называемый «филиппинский народный католицизм». Причем его отличия от ортодоксального католицизма столь велики, что некоторые теологи отказываются считать его формой католицизма и говорят даже, будто на Филиппинах господствует внешне христианизированное язычество.

Но Испания той эпохи — это не только отсталая монархия, реакционное духовенство и тупое колониальное чиновничество. Богатейшая испанская народная культура — эпос, музыка, литература, хореография — тоже проникла на Филиппины и существенно обогатила их культуру. Сейчас филиппинские крестьяне слушают и рассказывают сказки о ленивом Суване (Суван — филиппинизированная форма испанского имени Хуан), поют песни, похожие на те, что можно услышать в далекой Андалузии, и по праздникам танцуют фанданго. Эта часть испанского наследия прочно вошла в народную традицию Филиппин. Находятся, правда, люди, которые требуют отказа от «всего западного», но они не встречают поддержки. Крестьянин просто не понимает, почему нельзя петь фламенко — ведь его деды и прадеды пели их; почему нельзя плясать хабанеру; почему не следует рассказывать легенды о Сиде-воителе — ведь все это он получил в наследство от своих предков и считает эту часть культурного наследия своим.

Во всем — в массивных церквях барочного стиля, в планировке

городов и, что самое важное, в духовном облике — сказывается влияние Испании. Однако нетрудно обнаружить здесь и следы полувекового американского господства. Американский вариант английского языка до сих пор служит средством общения, современная филиппинская литература складывалась под влиянием американской, даже манера общения (особенно в городах) — похлопывание по спине, громкие шутки — и та заставляет вспомнить об Америке. Но в целом американское влияние не сравнить с испанским — это последнее через религию проникало в самую «душу народа». Совокупность всех этих факторов и заставляет соседей Филиппин смотреть на эту страну как «на не совсем восточную».

Но только поверхностный наблюдатель может прийти к выводу о полной вестернизации Филиппин. В основе своей они остались страной сампагиты¹ (словом «сампагита» иногда обозначают совокупность исконных филиппинских культурных начал), которая подверглась западному влиянию, оказавшемуся не в силах уничтожить традиционную культуру, но своеобразно окрасившему ее. Мирощущение филиппинцев, их взгляд на природу, общество и человека, нормы общения между людьми, гостеприимство и приветливость (лишенные всякого подобострастия) резко отличают их от представителей других культур, что хорошо видно из предлагаемой читателю книги.

В ней он найдет немало ярких зарисовок нравов и обычаев жителей далеких островов. Автор книги — сам писатель. Отсюда — его интерес к образной системе филиппинцев, пословицам, сказкам, легендам, их народнопоэтическому творчеству, литературе и искусству.

О филиппинской литературе тоже следует сказать несколько слов. Как и вся филиппинская культура, литература этой страны испытала сильное влияние метрополии. К приходу испанцев литература в современном смысле этого слова еще не сложилась. Были эпос, фольклор, народная поэзия, но не хватало четко осознаваемой концепции авторства. Поэтом, сочинителем мог быть — и действительно был — всякий, и все вольны были допускать заимствования из любых источников, лишь бы это отвечало идейным и эстетиче-

¹ Автор приводит красивую легенду о том, как возникло название этого цветка (разновидность жасмина). Это типичный пример так называемой народной этимологии. На самом деле к слову *сампага* (им в тагальском языке обозначают любой белый пахучий цветок) добавлен испанский уменьшительный суффикс *-ита* по типу «сеньора» — «сеньорита». И здесь сказалось испанское влияние. Такая этимология — прекрасный образец поэтичности народного мышления.

ским запросам слушателей. Богатейший испанский эпос, вся народная поэзия Испании нашли отклик в душе филиппинцев. Но заимствовали они творчески, преобразуя испанский материал в соответствии со своими идеалами. Так, герой испанского эпоса Бернардо Карпио стал излюбленным эпическим героем филиппинцев, но для них он не просто незаконнорожденный сын короля, а грядущий освободитель, который спит в пещере недалеко от Манилы и, когда придет час, проснется и изгонит из страны всех чужеземцев.

Под испанским влиянием сложилась и профессиональная литература (Сервантеса филиппинские писатели читали в подлиннике). Но и она сохранила связи с народным творчеством. Система образов осталась подлинно филиппинской, и, что важно, она по-прежнему выражает их интересы и идеалы. А главным остается освобождение от колониального и социального гнета. Нынешней филиппинской литературе со времен Рисаля присуща благороднейшая черта — вовлеченность в общественную борьбу. Об этом хорошо сказал участник фестиваля поэтов, на котором присутствовали и автор этой книги, и автор предисловия: «Поэзия — это голос народа, меч борцов, вода родника...»

Литература есть художественный аналог действительности. А филиппинская действительность очень сложна, что не осталось вне поля зрения автора. Страна получила независимость, но на ее территории сохраняются американские военные базы. В экономике почти безраздельно хозяйничают транснациональные корпорации, которые эксплуатируют филиппинского труженика, платя ему в девять-десять раз меньше, чем иностранцу той же квалификации, поставляя устаревшее оборудование, переноса на Филиппины так называемое «грязное производство», отравляющее атмосферу и воду.

Само филиппинское общество разделено жесткими классовыми барьерами: менее 10% населения распоряжается 50% национального дохода. Крестьянство задыхается от малоземелья и безземелья, урожай чрезвычайно низки, и многие филиппинцы не всегда получают свою «горсть риса». Нельзя сказать, что они мирятся с таким положением. Кое-что делается, но до окончательного решения всех проблем еще очень далеко.

Внешнеполитический курс страны стал более независимым. Если 10—15 лет назад Филиппины во всем ориентировались на США, то теперь они установили отношения с СССР и другими социалистическими странами, ведут с ними выгодную торговлю. Они обрели друзей в Азии, от которых ранее были отгорожены чрезмерной зависимостью от США. Правительство пытается ограничить деятельность транснациональных корпораций, направить ее в те отрасли, в развитии которых заинтересована страна. На этом пути Филиппины

встречают ожесточенное сопротивление империалистов и неокolonизаторов.

С 1972 г. осуществляется земельная реформа, столь необходимая стране, где свыше половины жителей деревни либо имеют жалкие клочки земли, либо вовсе обезземелены, а потому вынуждены или арендовать землю у помещика, или идти в батраки. Реформа встретила поддержку широких масс населения, но в последние годы темпы ее проведения замедлились. Урожайность риса крайне низка. «Чудо-рис», положивший начало «зеленой революции» в Азии, был выведен именно на Филиппинах, чему автор книги уделяет достойное внимание. Но его выращивание требует совершенно иного ведения хозяйства, а для этого у крестьянина нет ни навыков, ни средств. Да, «чудо-рис» ИРРИ-8 позволяет получить двойной урожай, но для этого нужно в четыре раза увеличить расходы на удобрения, во столько же — затраты на обработку земли, в три с половиной раза — расходы на ирригацию, в полтора раза — на закупку семян. Денег на это у крестьянина нет, «зеленая революция» обходит его стороной, и посадки сельскохозяйственных культур на бульварах Манилы и на городских пустырях отнюдь не спасают положения.

Сложной остается обстановка на юге страны. Мусульмане оказывали стойкое сопротивление еще колонизаторам и так и не были замирены окончательно. Настороженность по отношению к центральной власти в Маниле сохраняется и в наши дни. Это проявляется прежде всего в религиозных распрях. Но суть проблемы не только в них. Переселенцы из северных, христианских провинций привносят неведомые мусульманам законы, скупают землю, а она, по традиционным понятиям обитателей юга страны, неотчуждаема. Они просто не понимают, почему, подписав какую-то бумажку, они уже не имеют права владеть землей, на которой веками жили их предки. Планы экономического развития страны до недавних пор обходили стороной южные провинции. Все это в совокупности и объясняет царящую на юге Филиппинского архипелага напряженность, о которой пишет автор книги.

«Страна сампагиты», где живут гостеприимные, приветливые люди, сталкивается со многими трудностями — экономическими, социальными, культурными. Вопреки обещаниям туристских проспектов жизнь на этих «райских островах» далека от идиллии, что хорошо показано в книге «Горсть риса».

И. В. Подберезский

Цветок, мерцающий в глуши лесной,
ты робко прячешься среди растений,
но в год, когда страна встает с коленей,
ты белой разливаешься волной.

Ф. Канон. «Божественный цветок»

(пер. П. Грушко)

На аэродроме Манилы стройные девушки украсили нас гирляндами белых цветов — сампагиты, одарили увядающими улыбками. Аромат сампагиты был так приятен, что, казалось, снимал все тяготы трудного путешествия.

У каждого народа есть свое любимое растение. Так, березка — символ русской сердечности, рута — нежное растение, которое воспели в Литве, сакура — излюбленный цветок поэтов и художников Японии, а весь остров Занзибар напоен запахом гвоздик.

На Филиппинах мне постоянно дарили цветы сампагиты, где бы я ни был. Это местная традиция. Так, в Алма-Ате дарят яблоки, в Ташкенте — арбузы, в Поволжье — мед.

У филиппинцев самый популярный цветок — сампагита. Как лучший друг, он сопровождал нас на протяжении всего путешествия по Филиппинам. Сампагита белела в руках детей, звучала в строфах песен, наполняла своим ароматом горсти риса.

На Филиппинах все знают легенду об этом благородном цветке... Давным-давно жил могущественный раджа Багсик. У него была единственная дочь — красавица Лакамбини. Когда старый раджа неожиданно умер, вожди окрестных деревушек решили взять власть в свои руки. Сначала они предлагали Лакамбини свое сердце, потом угрожали ей оружием, но юная красавица решила править сама. Все жители деревни были ей преданы, но, чтобы одолеть врагов, нужен был один храбрец, который смог бы возглавить приверженцев Лакамбини.

Мудрая Лакамбини поставила во главе своего войска отважного Лакам-Галинга. Выиграв первую битву, он попросил руки Лакамбини. Она согласилась стать его женой, но только тогда, когда все враги будут разбиты. Лакам-Галинг приготовился к решающей битве. «Сумпа кита!» («Клянусь тебе!») — сказал он на прощание дочери раджи. «Сумпа кита», — ответила ему Лакамбини со слезами на глазах. Шли дни, но Лакам-Галинг не возвращался. И девушка умерла от отчаяния и тоски. Лакамбини похоронили там, где она распрощалась с любимым и куда потом приходила и ждала его возвращения. Однажды люди увидели на ее могиле изумительной красоты цветы с белыми душистыми головками. Они назвали их «сампагита». С тех пор этот цветок символизирует чистую любовь, верность и дружбу...

* * *

Здесь, на Филиппинах, проводился симпозиум писателей стран Азии и Африки на тему «Литература и молодое поколение». Мы приехали сюда зимой, и встречавшие нас филиппинские коллеги, дружески улыбаясь, уверяли, что у них сейчас совсем прохладно. А мы смахивали со лба пот и стремились укрыться от солнца в тени аэровокзала, не осмеливаясь возражать. Ведь по календарю январь и впрямь был зимний месяц. На пляжах Манилы, которые пробегали за стеклами машины, уносившей нас в город, было пусто. Никто не купался: температура воды была всего... 26 градусов.

Манила — крупнейший экономический, научный центр и транспортный узел Филиппин. Фактически она состоит из нескольких самостоятельных в административном отношении, имеющих свои названия, законы и местную власть городов, которые образуют Большую Манилу с тремя миллионами жителей.

В сухой сезон Манила страдает от пожаров. Достаточно малейшей искорки, чтобы целые кварталы деревянных лачуг обратились в пепел. Газета «Дейли экспресс» как-то опросила своих читателей: чего больше они боятся — наводнения или пожара? Один из ответов гласил: «Пожары для Манилы не представляли бы никакой опасности, если б в то же время началось наводнение».

Филиппинцы любят юмор. Они знают, как преодолеть плохое настроение и погасить раздражение. Когда этому искусству их обучали еще в детстве. Если ребенок капризничал, мать заставляла его укусить ствол молодого дерева. Деревце высыхало, и родители объясняли это тем, что злые духи, покинув тело ребенка, переходят в него. Эта мудрость родилась еще тогда, когда филиппинцы были язычниками, верили в силы природы, в добрых и злых духов. В наше время на Филиппинах уже не встречается высохших деревьев со следами зубов.

Я не видел здесь расстроенных лиц. Можно было подумать, что сердитых людей нет вообще, все счастливы и не знают страданий. Ведь в проспектах туристических фирм Филиппины называют улыбкой Востока.

Однако, путешествуя по стране, я видел множество безнадежно опущенных рук или крепко сжатых кулаков, а ведь рука — второе лицо человека. В Маниле в реку Пасиг бросился мужчина, оставивший на мосту сплетенную из пальмовых листьев шляпу, в которой оказалась записка: «Прожив шестьдесят лет, я убедился, что никому в мире не нужен и никто даже не знает о моем существовании». Он умолял передать это письмо в какую-нибудь редакцию, чтобы о его смерти написала газета. На этот призыв откликнулось даже несколько газет. Самоубийца добился своей цели. Прославиться и оставить в жизни след — не одно и то же. Да и следы бывают разные. Иногда они сохраняются на века.

Какой же след в жизни Филиппин оставили испанцы и американцы, на многие годы оккупировавшие эту добрую и красивую землю тропиков?

Само название страны и фамилии людей, ее населяющих, испанские. Влюбленные юноши приходят под окна девушек и, как в Испании, поют им серенады. Как и в Испании, на Филиппинах очень популярны петушиные бои. Во всех старых городах есть напоминающая испанскую центральная квадратная площадь, а в каждой большой деревне высится церковь.

Американцы единовластно хозяйничали на Филиппинских островах до 1946 года. Они пробыли здесь далеко не так долго, как испанцы, но память о себе сохранили достаточно яркую. Янки построили на Филиппинах удобные дороги, но, едва захватив страну, тут же закрыли

Филиппинка

Академию искусств. Они возвели современные гостиницы, но создали и индустрию порнографии; они научили филиппинцев пунктуальности и точности, но посеяли среди них семена расизма.

Путешествуя по Филиппинскому архипелагу, можно встретить также следы, оставленные японцами, китайцами, португальцами, арабами, англичанами и представителями других народов, хотя они и не так бросаются в глаза.

И все же внутренний мир филиппинца не изменился с далеких времен. Но понять его не так просто.

— Гордитесь ли вы чертами, унаследованными от других народов? — спросил у филиппинца один из писателей.

— Спросите у океана, гордится ли он или стыдится, что в него вливаются воды рек, — ответили ему.

В природе нет чистой воды, чистого железа, чистого воздуха. Так почему в мире должен быть «чистый» человек? Из памяти человечества еще не стерлась чело-веконенавистническая теория нацистов, признающих людьми только «чистокровных арийцев». Гитлеровская военная машина была разбита, но и сегодня то там, то здесь поднимают головы расисты — сторонники «чистой крови». Таково положение, например, в Южно-Африканской Республике. Филиппинский народ, вобравший в себя многое от других народов, гордится своим национальным самосознанием.

В 1969 году я присутствовал на церемонии выборов королевы красоты в США. В тот год не избирались ни президент, ни сенаторы, ни губернаторы, поэтому к вы-

борам «Мисс юниверс» был проявлен особый интерес. После упорной борьбы на стезе красоты, элегантности и мудрости всех соперниц уверенно обошла филиппинка Глория Диас.

«Одна скромная девушка сделала для прославления нашей страны значительно больше, чем тысячи самых сильных мужчин», — писала в те дни филиппинская пресса. Узнавшие о ее победе соотечественники, охваченные невыразимой радостью, готовились встретить Глорию торжественнее, чем бразильцы своих футболистов, завоевавших звание чемпионов мира, или американцы астронавтов, возвратившихся с Луны. Но радость померкла, когда они узнали, что Глория Диас из Флориды летит не в Манилу, а в... Голливуд.

Американцы тоже широко комментировали это событие.

— Зря мы дали Филиппинам независимость, не случись этого, королева красоты была бы теперь американской, — сказал один мой знакомый.

— Это не должно волновать нас, все равно все королевы красоты едут в Голливуд, — возразил второй.

Прошло четыре года, и на пьедестал красоты вновь поднялась филиппинка. На сей раз Марги Моран.

«Филиппины — это неиссякаемые залежи красавиц! — заметила по этому поводу „Лос-Анджелес таймс“. — Чем более отсталая страна, тем больше в ней красивых девушек».

Но далеко не всех американцев, отправляющихся на Филиппины, интересуют красавицы. Многие ищут здесь золото и серебро, свинец и медь.

На Филиппинах девяносто языков и диалектов. Государственный язык — филиппинский (тагальский). На нем издаются книги, газеты, создаются проза и поэзия. Он принадлежит к малайско-полинезийской семье, но изобилует заимствованными словами из арабского, китайского и других языков. Оказал на него влияние и санскрит. Тагальский язык звучен, он словно предназначен для нежных мелодий или для произнесения комплиментов.

В городке Пол я увидел спешащих куда-то мужчин с петухами под мышкой. Мне объяснили, что они направляются в сабунган, где на Филиппинах устраиваются петушиные бои. Проиграться в сабунгане можно

быстрее, чем на ипподроме или на собачьих бегах. Петушине бои, хотя обычно и проходят в больших залах, часто стихийно возникают и где-нибудь в маленьком помещении или в ресторане, на очищенной от столиков площадке. На такую арену может выйти любой, у кого есть петух да несколько песо в кармане. Привязывая к ногам петуха острые шпоры длиной примерно до 10 сантиметров, филиппинец думает только о своей победе, подчас забывая, что у петуха противника шпоры тоже не бумажные. Азарт во время этих боев настолько велик, что мужчины часто возвращаются домой не только без петуха, но и без гроша в кармане.

Социологи, исследовавшие причины распада филиппинских семей, пришли к выводу, что петушине бои играют в этом процессе немалую роль.

Закон разрешает проводить петушине бои только по воскресеньям, причем на каждой арене может происходить не более десяти боев. Эти меры приняты по тем же причинам, по которым в других странах введен полный или частичный сухой закон.

— Если бы не эти ограничения,— объяснял мне один филиппинец,— никто бы не работал, все сидели бы в сабунганах.

Большинство филиппинцев, конечно, отправляются в сабунганы без петухов, оставаясь только зрителями. Люди, собравшиеся в сабунгане, заключают пари, прямо пропорциональные толщине своих кошелев. На небольших аренах судьи, приняв деньги, не выдают расписки. Здесь господствует дух джентльменства и доверия. В бой пускают петухов различной окраски, порядком раздражив их перед этим.

Но если на корриде быка всегда закалывают, то в сабунгане другие законы. Случается, что пернатый гладиатор потрусливее убегает, но жизнь он спасает ненадолго. Поймав своего петуха, хозяин несет его домой и отправляет прямо в кастрюлю.

— Мой муж очень любит петушине бои,— говорила мне одна филиппинка,— но когда я покупаю на базаре живую курицу, то приходится приглашать соседа, чтобы он отрубил ей голову... Муж не переносит крови... Он такой чувствительный...

Петушине бои, так же как табак и крест, на Филиппины завезли испанцы, возможно, от них же филипп-

пинцы унаследовали привычку по всякому поводу заключать пари. Когда филиппинцы не могут сходить в сабунган, они спорят, кто из них больше пробудет без воздуха под водой или кто быстрее выпьет три бутылки кока-колы. Я видел двух юношей, которые поместили в стакан двух пауков и спорили, который из них сильнее.

Но далеко не все филиппинцы готовы поставить свою судьбу на карту. Если бы все они ходили только в церковь или на петушиные бои, им не удалось бы изгнать из своей красивой и богатой страны испанских колонизаторов и американских империалистов.

В гостинице «Филиппинская деревушка», в которой мы жили, между пятым и шестым этажами застрял однажды лифт. Полочка, видно, была небольшая, потому что свет не погас и продолжала звучать стереофоническая музыка. В сверкающей, украшенной зеркалами кабине лифта судьба заперла меня вместе с одетым в строгий черный костюм филиппинцем. В руке он держал небольшой саквояж и очень нервно реагировал на происшествие. Он, видимо, торопился на какую-то важную встречу, на которую не имел права опоздать. Однако, заметив на его пиджаке полоску с надписью «Филиппинская деревушка, № 17», я понял, что передо мной рядовой служащий гостиницы.

— Лифт и здесь мстит мне! — взволнованно произнес он.

Я не нашелся, что следует сказать в таком случае, и промолчал.

Служащий поднял телефонную трубку, но аппарат не работал. Взглянув в продолговатое оконце, я увидел, как работники гостиницы пробегают по лестнице, озабоченные нашим заточением.

— Я жил в Нью-Йорке и прекрасно знаю, как кланет меня теперь мистер Гроу, ожидая саквояж. Американцы любят пунктуальность.

Некоторое время мы молчали, слушая негромкую музыку.

— Вы знаете, как я попал в Нью-Йорк? — спросил мой спутник и, не ожидая ответа, продолжал: — После второй мировой войны филиппинские солдаты, служившие в американской армии, получили право поселиться в США. В городе небоскребов передо мной открылись большие перспективы: предлагали работать и в кино-

театре уборщиком, и в ресторане посудомойщиком, и в гостинице лифтером. Я выбрал работу в ресторане. Но через несколько лет он закрылся. Пустился на поиски работы в другом месте. Однако все, словно сговорившись, утверждали, что я слишком молод...

Под днищем лифта что-то затрещало. В любой момент он мог двинуться, а мне хотелось побольше узнать о человеке, которому всю жизнь мстят подъемные машины.

— Через некоторое время я получил работу. Стал в гостинице лифтером, — продолжал он. — Однажды в лифт вошла группа молодых людей, которые говорили на моем родном языке. Это были актеры из Манилы. Я давно мечтал пригласить к себе домой кого-нибудь из встреченных в Нью-Йорке соотечественников, чтобы поговорить с ними. И вот теперь выпал превосходнейший случай. Поднимая их на тридцать шестой этаж, я несмело заговорил и пригласил всех посетить мой дом. Одни поблагодарили, а другие только пожалы плечами. Тогда я сказал, что отвезу и привезу их обратно на машине. Но они, наверное, не поверили мне, вежливо поблагодарили и закончили разговор. Разве обыкновенный лифтер вправе приглашать к себе в гости незнакомых людей.

С их точки зрения, это было бестактностью и наглостью с моей стороны. Свою ошибку я понял слишком поздно. С тех пор ненавижу эту снующую вверх и вниз клетку. Я решил поискать работу в другом месте. Но мне говорили, что я слишком стар. Я не мог понять, почему так быстро постарел, куда девалась моя жизнь. Ведь совсем недавно все утверждали, что я слишком молод, а теперь говорят — слишком стар. И тут меня охватила тоска по родине. Я почувствовал себя бесконечно одиноким. Кроме машины, у меня ничего не было. Не выдержал, продал ее и купил билет до Манилы.

Под ногами снова что-то щелкнуло: лифт начал спускаться. Открылись двери. Мы почувствовали себя как птицы, выпущенные из золотой клетки. Служащий № 17 торопливо пошел к центральному входу, где под тенистыми листьями пальмы стоял черный форд, а около него — мужчина в клетчатой рубашке.

В последующие дни пребывания в «Филиппинской деревушке» я больше не встречал человека, который ра-

ботает лифтером, хотя при этом ненавидит лифт, и знает цену выражению «Время — деньги».

Не всем филиппинцам понадобилось переплывать Тихий океан, чтобы познакомиться с американским образом жизни. Филиппины богаты полезными ископаемыми, важны в стратегическом отношении. Поэтому американцы явились сюда сами, без чьих-либо приглашений и просьб. Хозяева Белого дома и Капитолия в Вашингтоне руководствуются при этом известной поговоркой: «Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе».

В 1898 году военные корабли США потопили у острова Лусон много испанских судов. 13 августа этого года американские морские пехотинцы подняли в Маниле, над фортом Сантьяго, звездно-полосатый флаг.

Война между США и Испанией из-за Филиппин вошла в историю как война за передел мира. К тому времени колонизаторы Запада уже захватили все земли Африки, Азии и Океании. Теперь началась ожесточенная битва из-за перераспределения колоний.

Щедрая природа одарила Филиппинские острова десятью тысячами видов растений. Только одних орхидей здесь 900 видов. Есть такие деревья, которые сбрасывают листья не с приближением холодов, а в период жаркой сухой погоды, такие, которые растут в зоне приливов и отливов и время от времени их корни оказываются под водой, и такие, которые почти совсем не отличаются от растущих в наших парках.

Когда испанцы захватили Филиппины, то обнаружили, что на этих островах не растет только одно растение — табак, и решили исправить «ошибку природы». Местные жители не понимали, почему вооруженные мечом и крестом испанцы заставляли их выращивать такое странное растение, которое не идет в пищу ни человеку, ни скотине. А колонизаторы и не собирались им ничего объяснять. Табак должен был стать гордостью и источником богатств новой колонии Испании. Огромные площади земель, на которых раньше выращивали рис, они превратили в табачные плантации. В конце XIX века в Маниле и ее окрестностях в «индустрии голубого дыма» работало 30 тысяч человек, в основном женщины и дети. После ликвидации в 1882 году государственной монополии табачная промышленность перешла в руки част-

ных собственников. Филиппинские сигары, которые местные жители называют табако, пользуются большим спросом в Индии и Китае, в Австралии и Европе. Ароматный голубой дым превращался в звонкую монету, которая, издавая приятный звон, наполняла сейфы колонизаторов.

Американцы, оккупировав Филиппины, не могли допустить, чтобы золотые реки из их владений текли в банки Барселоны и Мадрида. В 1902 году 113 табачных предприятий уже принадлежали американцам. Началась тайная, но упорная война, в которой принял также участие китайский и швейцарский капитал. В канун второй мировой войны Филиппины изготовляли в год 300 миллионов сигар и 3,4 миллиарда сигарет и вышли по их экспорту на первое место в мире.

Вторая мировая война привела к оккупации Филиппин Японией. Землевладельцев заставили вместо табака выращивать рис, а рабочих табачных фабрик — штамповать патроны. Это привело к застою табачной промышленности на Филиппинах. После войны образовавшаяся лакуна заполнили США. Только в 1948 году филиппинцы заплатили за сигареты американским фирмам 57 миллионов песо. Табачная война продолжается.

Сахарный тростник на Филиппинах выращивался еще до испанцев. В те времена крестьяне примитивным способом отжимали из него сладкую жидкость. Американцы начали строить современные сахарные заводы, доведя производство сахара к началу войны до 43 процентов всего экспорта страны. После войны в этой отрасли начался упадок. «Сладкая» промышленность, возвращенная «мистером долларом», дает мало прибыли самим филиппинцам из-за дискриминационных и убыточных договоров.

— Наша сила в пяти братьях: кокосовой пальме, сахарном тростнике, рисе, табаке и абаке,— говорили раньше филиппинцы.

Время и события развели этих «пятерых братьев» по различным дорогам. Наиболее грустная судьба у абаки. Это — растение высотой 6—7 метров, дающее черные маленькие бананы, которые не идут в пищу; поэтому его иногда называют «текстильным бананом». Волокно, полученное из листьев абаки, пользовалось на мировом рынке большим спросом. Свитые из него веревки необычайно прочны: толщиной 2,5 сантиметра, они вы-

держивают груз до 2 тонн. Остров Минданао на Филиппинах давал 94 процента мировой продукции абаки. Но и сверхпрочные веревки волокна абаки не устояли перед синтетическими материалами. Теперь некоторые страны покупают абаку для производства бумажных денег. Банкноты из волокон этого растения обладают повышенной прочностью. Увы, филиппинцы от этого ничего не выиграли. Один владелец плантации абаки после таких перемен даже повесился на ... веревке собственного производства.

Но перемены в мире приводят не только к изменению способа производства. Рост национально-освободительного движения ведет за собой крушение отжившего социального строя. Добившись национальной независимости, меняют свои названия и государства.

Конго стало Заиром, Цейлон — Шри Ланкой, Северная Родезия — Замбией, а Южная — Зимбабве. А вот Филиппины... Испанский король Филипп II умер почти четыреста лет назад, но названный его именем огромный архипелаг в Юго-Восточной Азии и по сей день сохранил старое наименование. Изменят ли его филиппинцы, трудно сказать. Дискуссии, которые проходили по этому вопросу в печати и даже в конгрессе, не дали результатов. Те, кто высказывается за старое название, утверждают, например, что преемственность в истории — символ силы человека.

На острове Себу стоит крест, имеющий «чудотворные» свойства. Католические патеры утверждают, что все, кто молится под ним, получают отпущение тяжких грехов, излечиваются от страшных болезней. Эти свойства выражаются еще и в том, что крест якобы постоянно растет. Если бог не разгневается на жителей острова, то крест скоро достигнет высоты часовни. Только безбожники и почитатели Магомета, говорят патеры, осмелевают усомниться, что это не тот крест, который был установлен 14 апреля 1521 года высадившимся на берег Магелланом. Знаменитый португалец, отправившийся в кругосветное путешествие, прожил на Филиппинских островах недолго — всего 46 дней. Его убили местные жители. Там, где погиб Магеллан, ему воздвигнут памятник. Филиппинцы склоняют голову перед смелостью и упорством путешественника. Но неподалеку высится еще один монумент. Он установлен вождю племени

Лапу-Лапу. И здесь филиппинцы останавливаются, склоняя голову перед человеком, который убил Магеллана, защищая свою землю и свободу.

— Филиппинцы экспортируют в мою страну кокосовое масло, табак и тайфуны,— сказал мне как-то один японец.

Тайфуны — тяжелый бич этого региона. Они рождаются в Тихом океане, на юго-востоке от Филиппин, и прорываются на северо-запад.

Сезон тайфунов — с июня по октябрь. В среднем за год их пронесется около двадцати, причем иногда возникают очень мощные, которые наносят огромный ущерб.

Один филиппинец предложил мне как-то купить «барометр», предсказывающий приближение тайфуна. В стеклянном сосуде не было ничего, кроме нескольких пиявок.

— Теперь они все лежат на дне. Значит, тайфуна не будет,— объяснял он.— Но когда они ползут вверх, знайте — тайфун приближается.

Я осмотрел этот странный «барометр», но покупать его, конечно, не собирался.

— Купите! — уговаривал филиппинец.— Никому неведома воля всевышнего. Лучше заранее ко всему подготовиться.

Пришлось пояснить навязчивому продавцу, что в стране, где я живу, тайфунов нет.

Он улыбнулся и сказал:

— Зачем вы меня обманываете? Таких мест на земле нет!

Подтвердив еще раз свои слова, я добавил:

— Там, где я живу, и сампагита не растет.

— Из необычной страны вы приехали! — удивился он.— Но вы не очень огорчайтесь: цветы сампагиты мы дарим всем друзьям, которые приезжают в нашу страну...

ПОЕДИНОК КРЕСТА И ПОЛУМЕСЯЦА

Испанский лев нагрянул, чтоб разорить гнездовье
вольнлюбивой птицы — малайского орла.
Два исполина бьются, залив друг друга кровью,
которая из ран их ручьями потекла.

*Ф. Сарагоса-Кано. «Дочь раджи»
(пер. С. Гончаренко)*

Отец Алмарин часто обращал свой взор к звездному небу, которое считал неоспоримым доказательством господнего могущества. Покрытая белой краской маленькая католическая церковь на берегу океана обветшала и покосилась, но слуга божий был преисполнен энергии и веры в собственное духовное могущество. Однажды до его слуха дошла весть, что в деревушку вернулась выросшая в большом городе и вышедшая там замуж дочь одной женщины, некогда сбежавшей от мужа. Патер вспомнил, что он окрестил ее именем Мария, а теперь она, приехавшая вместе с мужем в дом недавно умершего отца, уже стала Марией Акалал. Люди, сообщившие патеру эту новость, перекрестились и добавили:

— Ее муж — мусульманин.

Через пару дней патер пошел в дом Марии Акалал с намерением спасти гибнущую душу. Мужа Марии не было дома, и отец Алмарин мог откровенно поговорить с женщиной. Он узнал, что молодые сочетались браком, не обращаясь к помощи слуг божьих. Искорка надежды затеплилась в нем. Поэтому он предложил крестить ее мужа и затем обвенчать их в церкви.

— Только тогда вы будете счастливы, — уверял патер.

— Я и так счастлива, — отговаривалась женщина.

Патер знал, что нет таких стен, которых не разрушила бы настойчивость человека, и поэтому стал все чаще навещать эту семью.

Поблизости находилась рыбацкая деревушка, жители которой исповедовали ислам и молились в небольшой

мечети. Шейх Махмуд, узнав, что в окрестностях его прихода поселился последователь Аллаха, женившийся на женщине-христианке, поспешил на помощь своему брату по вере. Муж Марии не принял предложения устроить свадьбу по мусульманскому обряду и отказался принудить свою жену перейти в братство последователей Аллаха.

Шейх Махмуд тоже знал, что нет таких гор, которых не преодолел бы человек. Поэтому он продолжал навещать дом молодоженов. Как-то раз молодая пара держалась на рисовом поле. И тут в их уютном доме неожиданно встретились уполномоченные двух могущественных богов в этом грешном мире. Начавшийся спор, чей бог могущественнее, не принес результатов. Диспут о том, кто имеет большее право навещать этот дом, также остался неоконченным. Но по одному вопросу их взгляды совпали: в одном доме двум богам слишком тесно, хотя это и лучше, чем дом без бога вообще. И тогда у шейха Махмуда родилась спасительная мысль: он предложил Алмарину бросить жребий, к кому — к Христу или Аллаху — должна отойти эта молодая семья. Столь мудро решить жизненно важную проблему помешало возвращение молодых хозяев дома, которые, угостив настырных посетителей, сказали на прощание, что не желают большего счастья, чем имеют.

Однако борьба между католиками и сторонниками ислама за расширение своего влияния далеко не всегда заканчивается так мирно. Хотя католиков на Филиппинах большинство, а мусульман лишь 4 процента, но полумесяц не намерен сдаваться на милость креста. Борьба двух религий имеет здесь глубокие корни. Значительно раньше Магеллана сюда не раз приезжали арабские купцы, которые не признавали никаких иных богов, кроме Аллаха.

Арабы и китайцы посетили архипелаг Сулу еще в IX веке. Во второй половине XIII века наиболее рьяно распространял здесь слово Аллаха араб Махмуд Карим. Он, как гласит легенда, был так близок к Аллаху, что мог ходить по воде. В XIV и XV веках на южных островах Филиппин образовались два могущественных султана — Магинданао и Сулу. Дальнейшему распространению ислама помешали португальцы, захватившие в 1511 году Малакку. Они явились сюда, чтобы нагабить

сокровищ, взять в свои руки прибыльную торговлю и, конечно, распространить христианство. Католическую веру настойчиво прививали прибывшие сюда чуть позже испанцы.

Итак, в Юго-Восточной Азии схлестнулись интересы полумесяца и креста. Началась ожесточенная война двух богов. Рекой лилась кровь. Приверженцам Христа не удалось уничтожить всех проживающих на Филиппинах последователей Аллаха, не удалось выжечь след ислама. Особенно глубоким он остался в южной части страны.

Католическая Испания свои кровавые походы против мусульман вела под предлогом борьбы с пиратами, нападавшими на торговые суда в этом районе. Экспансия все усиливалась, и со временем весь огромный архипелаг, находящийся в Юго-Восточной Азии, превратился в колонию.

Султанаты Магинданао и Сулу подчинились власти колонизаторов только в середине XIX века, когда испанцы для борьбы с маленькими и юркими суденышками мусульман вместо парусников стали использовать пароходы. Последователи Аллаха очень гордятся тем, что они выдержали столь длительную борьбу. Причем боролись они различными способами.

Следы этой жестокой борьбы прошлого заметны и сегодня. В одной часовой лавке я увидел продавца, у которого на широкой обнаженной груди висел золотой крестик. Он ругался с мужчиной, чью голову увенчивал тюрбан. Продавец, поняв, что его покупатель иноверец, заломил за часы тройную цену. Последователь Аллаха привел в магазин полицейского, который и уладил конфликт. Значительно труднее устранить противоречия между проживающими в южных районах страны мусульманами и центральным правительством, которое составляют католики.

Архипелаг Сулу состоит более чем из трехсот островов и островков вулканического происхождения. Когда смотришь с самолета, они кажутся сваями громадного разрушившегося моста между островами Минданао и Калимантаном. Разрушился не мост, а могущественный султанат Сулу после упорной борьбы с испанскими колонизаторами-католиками. Вся жизнь потомков населения бывшего султаната связана с морем и Аллахом.

Девушки о-ва Лусон

Они ловят рыбу, собирают жемчуг, а на восходе и заходе солнца воздают хвалу всевышнему. Наиболее последовательными приверженцами ислама считают себя таусоги, ведь они первыми из всех племен начали поклоняться Аллаху. Центр их общественной деятельности — мечеть, норма социальной и духовной жизни — Коран. Все остальное практически не имеет значения.

На архипелаге Сулу живет и старается сохранить свой традиционный образ жизни племя баджао. Всю свою жизнь баджао проводят на воде. В Восточной Африке масаи переходят с места на место вместе со стадами коров в поисках новых пастбищ; на Аравийском полуострове бедуины кочуют с верблюдами. Баджао же переплывают на лодках с острова на остров. Соленая вода заменяет им землю: они ловят рыбу, достают со дна жемчуг. На воде они рождаются, на воде и умирают. Лишь иногда баджао задерживаются на одном месте и строят домики на вбитых в воду сваях. Берег им нужен только для того, чтобы похоронить умерших, запастись пресной водой и найти покупателей жемчуга. Любят ли эти люди свой архипелаг? Ответить на этот вопрос могут те иноземные захватчики, которые пытались овладеть Сулу. Баджао доказали, что жить на воде — это не значит предать свою землю.

На Филиппинах мы не видели женщин с закрытым лицом.

— Филиппинские женщины никогда не скрывали свое лицо, — объяснили мне. — Этот обычай — выдумка деспотичных и ревнивых мужей.

Основу общественной жизни мусульман составляет семья, состоящая из довольно большого числа близких и дальних родственников, которые объединяются в группы. Три миллиона мусульман называют себя братьями по вере. Конечно, брат брату неровня, здесь есть богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые.

Мусульмане не желают подчиняться центральному правительству, порой выступают против него, утверждая, что законы государства односторонне защищают только интересы католиков. Они недовольны, что власти наказывают их за торговлю с другими странами. Жители юга страны на протяжении столетий торговали с разными островами. Теперь же такая торговля трактуется как контрабанда. Лидеры мусульманского движения не раз публично заявляли о своем намерении получить ту или иную автономию на Минданао. Свои слова они подкрепляют решительными действиями. И в газетах публикуются заметки о военных операциях, проводимых правительственными войсками против повстанцев.

Католические профессора в филиппинских университетах вдалбливают в головы студентов слова о великих заслугах католической церкви в развитии науки, искусства, культуры этой страны. Так ли это на деле? Кое-какие факты, казалось бы, говорят в пользу монахов.

Ботаники всего мира знают шеститомный труд «Флора Филиппин», автором которого является монах Мануэль Бланка. Свои научные исследования монах проводил в монастырском саду, а его научная лаборатория не сохранилась, потому что монахи в дальнейшем больше интересовались «садами господними» в потустороннем мире. В 1611 году монахи учредили в Маниле первый в стране университет, который старше любого университета США.

В районе Лас-Пиньяс в Маниле стоит старая церковь, в которой находится уникальный орган, изготовленный из бамбука. Другого такого нет в мире. В 1794 году его смастерил монах-августинец Диего Сера из 950 бамбуковых палочек различной толщины. Восемнадцать лет держал их мастер в горячем песке, чтобы погибли различные древоточцы, которые в условиях тропиков быстро превращают дерево в порошок.

Можно было бы назвать еще ряд интересных дел и открытий, совершенных монахами на Филиппинах.

Но разве могут отдельные факты искупить тот вред, который нанесла католическая церковь этой стране?

Пришельцы огнем и мечом заставляли филиппинцев беспрекословно поклоняться своему богу. В хрониках повествуется, как один монах, собрав группу местных жителей, стал рассказывать им, сколь милостив католический бог и какое несказанное блаженство ожидает их после смерти. Но когда монах умолк, его тотчас же спросили: «А будут ли в раю испанцы?»

Католички на Филиппинах верят, что после смерти добираться в рай им придется по очень узкому и извилистому коридору из бамбука. Несомненно, такая картина посмертного путешествия заимствована из старой веры. На католическом кладбище я как-то увидел на могиле ребенка бутылку с молоком и спросил:

— Разве мертвые пьют?

— У вас на могилы кладут цветы. Но разве покойники ощущают их запах? — ответили мне.

На улице святого Иоанна у церкви святой Троицы есть небольшой ресторан святого Павла. Мы заказали здесь обед.

Пока готовилось жаркое и принесли охлажденное пиво, я успел прочесть висящие на стене и обрамленные цветами сампагиты три совета, как завоевать доброе имя в католическом обществе.

«К тому, с кем разговариваешь, обращай по имени, ибо нет в мире музыки красивее, чем звучание собственного имени».

«Разговаривая, улыбайся, потому что в это время работают 15 мускулов лица. Если надо, смейся. Тогда работают целых 65 мускулов. Это лучшее лекарство против старческого маразма, который делает людей некрасивыми».

«Будь искренним, восхваляя, осторожным, критикуя».

— Нет ничего легче, чем давать совет другим, — сказал мой товарищ, филиппинец, заметив, что я переписываю мудрые изречения в свою записную книжку.

На Филиппинах празднуют часто. Есть праздники религиозные, народные, государственные, испанские, американские. И филиппинцы празднуют их с большим энтузиазмом. Врожденная склонность к веселью, праздности

вам и карнавалам — одна из лучших черт их характера. И еще — артистичность. Большинство людей с детства стремятся стать артистами. Кому удается преодолеть это стремление, становится зрителем, кому не удается — поднимается на подмостки сцены, сойти с которых уже нелегко. Нигде я не встречал так много артистов, как на Филиппинах. Сценическое искусство здесь проявляется везде, начиная с крестин и кончая похоронами.

И нигде так долго не празднуют рождество, как на Филиппинах. С 16 декабря по 6 января продолжается рождественский марафон фестивалей, в который вливаются праздники урожая и Нового года. На праздник урожая филиппинцы выставляют на стол все, чем одарила их щедрая земля и что смогли приготовить трудолюбивые руки и крылатая фантазия хозяек.

Новый год (Багонг Таон) характеризуется не обилием еды на столе, а невообразимым шумом на улицах. По поверьям, шум во время встречи Нового года свидетельствует о богатстве и щедрости наступающего года. Кто встречает его спокойно, обрекает себя и близких на беды, которые всегда ближе к людям, чем счастье и радость.

Парад звуков начинается с вечера. Дети колотят в жестяные консервные банки, подростки бьют в барабаны, трубят в рог, мужчины стреляют из ружей. Чем ближе полночь, тем громче шум. Начинают звонить колокола церквей, воют пожарные сирены, включаются телеприемники, транзисторы, стереопроекторы. На улицы выбегают клоуны, увешанные колокольчиками и другими бренчащими предметами. К общей какофонии присоединяются даже немощные старики, потряхивая металлическими монетами в банках. Разразись в это время грохот извергающегося вулкана, люди приняли бы его как должное, как шум в честь праздника Багонг Таон.

Не успевают стихнуть звуки урагана новогодней ночи, а жители Манилы уже готовятся к новому празднику, которое проводится ежегодно 9 января.

В этот день в Маниле все дороги ведут к церкви Киапо, откуда вынесут распятие Христа. Здесь уже с раннего утра ожидают толпы юношей в белых рубашках с черными буквами NPJN (Nuestro Padre Jesus Nazareno) и полотенцами, которыми обмотаны головы

или шеи и плечи. Статую Христа несколько сот лет назад изготовили крещеные индейцы Мексики. Его страдальческое лицо — темно-коричневое. По мнению индейцев, белая кожа может быть только у пришельцев-завоевателей или чертей. Когда испанские конкистадоры в XVI веке везли из Мексики на Филиппины окрашенное в темный цвет распятие Христа, в Тихом океане бушевали ураганы. Но корабль не утонул, а благополучно достиг берегов Манилы. Согласно легенде, там, где он проплывал, стихали бури и паруса надувал попутный ветер. С тех пор раз в год «Черного Христа» выносят на улицы.

Каждый из участников процессии стремится прикоснуться к «Черному Христу». Но не рукой, что было бы кощунством и святотатством. Прикоснуться следует полотенцем, которое берет с собой каждый верующий. Кому это удастся, тот этим полотенцем вытирает все свое тело. Теперь, согласно поверьям, он будет сильным, здоровым и, конечно же, счастливым.

В два часа дня «Черный Христос», снятый с большого алтаря церкви Киапо, водружается на носилки, и процессия медленным шагом движется по улочкам старого города. Организаторы процессии, чтобы облегчить «страдания спасителя», постоянно опрыскивают его лик одеколоном. Порядок поддерживается юношами. Взявшись за руки, они создают живую стену. Море людей бушует, волнуется. Каждый борется за право быть счастливым. Кто не выдерживает натиска толпы и знойных лучей солнца, падает под ноги людей. Но что значат страдания отдельных лиц по сравнению «с муками Христа» и теми «благами», которые его всепрощающее сердце теперь щедро раздает всем участникам церемонии?

Подобную процессию мне довелось видеть и в столице Эквадора — Кито. Только там на носилках вместо деревянного «Черного Христа» сидела вполне реальная девушка, символизирующая богородицу. И там, и здесь католическая церковь, организуя массовые религиозные зрелища, стремилась укрепить свое влияние в народе, затуманить сознание, отвлечь внимание трудящихся от их бедственного положения. «Если бы ежедневно церковь посещало столько народу, сколько во время фестиваля „Черного Христа“, — писала одна филиппинская

католическая газета,— нам не пришлось бы говорить о кризисе католицизма».

Опрыскивая лик «Черного Христа» одеколоном, они роняют зерна религиозного фанатизма на, казалось бы, благоприятную почву. Однако испаряется не только одеколон, религиозным опиумом уже не усыпишь сознание филиппинцев.

Филиппинцы ищут счастья, не только отправляясь в церковь или поднимая шум в новогоднюю ночь. Они безмолвно трудятся, сгибая спины на рисовых полях, проливают пот на заводах, потому что нет большей радости для родителей, чем видеть сытыми своих детей.

В 1970 году на Филиппины приезжал папа римский Павел VI. В те дни в Маниле временами было так же шумно, как в новогоднюю ночь, и так же тихо, как во время мессы на празднике вознесения. Целью Ватикана было укрепить престиж католичества в этом регионе. Однако слова слуг Христовых всегда расходятся с их делами. Поэтому приезд папы никак не разрешил проблем католической церкви на Филиппинах.

**«ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»:
МИФ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Не шутка это — рис сажать,
Весь день земные класть поклоны,
Ни отдохнуть, ни сесть, ни встать,
Шагать согбенно, неуклонно.

*Филиппинская народная песня
(пер. Г. Плисецкого)*

У полюсов земного шара, где по полгода длятся день и ночь, ориентироваться без часов трудно, потому что солнце или не садится совсем, или вообще не появляется на горизонте. Так и в филиппинской деревне, где выращивают рис, без календаря можно перепутать время года.

Мы стояли у залитого водой небольшого клочка земли. Мужчины и женщины, согнувшись, сажали в жидкую грязь побеги риса. Здесь, по нашему мнению, теперь должна быть весна. Рядом — другое поле. Совсем зеленое. Густые побеги поднимаются к солнцу. Какое же это время года? Должно быть, лето. Отошли еще на несколько шагов. Мужчина и два мальчика ножами боло аккуратно срезали стебли риса. Здесь уже осень. Я посмотрел на календарь. Было 12 февраля.

На Филиппинах выращивают много кукурузы и табака. Эти культуры завезены сюда испанцами из Америки. Сегодня кукуруза занимает почетное место и на полях филиппинцев, и на их столе.

Раньше земледельцы выращивали здесь свыше тысячи различных сортов риса, но получали самые низкие урожаи в мире — всего по 10—12 центнеров с гектара. Основная причина — примитивный способ ведения хозяйства на очень маленьких участках. У большинства крестьян вообще не было своей земли, а социальное неравенство в филиппинской деревне выступает наиболее

ярко, большую часть урожая забирает не тот, кто сеет и жнет, а тот, кому земля принадлежит.

С завоеванием независимости в филиппинский деревне произошло несколько знаменательных изменений. Начато проведение земельной реформы. Значительно урезаны наделы крупных землевладельцев. Много нового принесла на рисовые поля «зеленая революция», в результате которой урожай риса повысился в два-три раза.

— «Зеленая революция» — надежный поезд в будущее, — сказал мне один из членов правительства Филиппин.

— «Зеленая революция» уже исчерпала свои возможности, — доказывал другой ответственный государственный муж.

Кто из них прав?

Не будем торопиться с ответом на этот вопрос и сделаем пока экскурс в Мексику.

В 1944 году из США в Мексику прибыла группа американских ученых-селекционеров во главе с Г. Борлаугом. Близ города Мехико они создали экспериментальную селекционную станцию с целью разведения новых, более урожайных сортов зерновых культур для тропической и субтропической зон. Позднее станция была преобразована в Международный центр по улучшению сортности семян пшеницы и кукурузы. Один из ученых-селекционеров этого центра, Г. Борлауг, скрестив выведенные Д. Салмоном, Ф. Фогелем и другими американцами сорта пшеницы с колумбийскими, австралийскими и местными, получил много новых сортов, которые назвал мексиканскими. В условиях тропиков и субтропиков, где всегда много влаги, они дали высокие урожаи. Селекция вызвала подлинную «зеленую революцию». Вскоре уже 15 процентов развивающихся государств Азии активно проводили методы «зеленой революции» в жизнь.

— Мы скоро выьем зубы голоду, — с гордостью говорил Г. Борлауг. — Если б Мальтус предвидел «зеленую революцию», он был бы осторожнее со своими выводами.

На выведение нового сорта требуется обычно 10—12 лет. Селекционеры больше напоминают бегунов марафона, чем спринтеров. Группа Г. Борлауга летом выра-

щивала посевы в США, а зимой — в Мексике. Снимая в год два урожая, селекционеры в два раза быстрее преодолевали длинную дистанцию.

До 1945 года в Мексике средний урожай пшеницы составлял 7,5 центнеров с гектара. За 25 лет он вырос до 30 центнеров. А ведь за четверть столетия не так-то просто увеличить урожайность в четыре раза.

«Мексиканским чудом» заинтересовалась Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). Г. Борлауг был приглашен оказать содействие для решения зерновой проблемы в Индию и Марокко. Но его прогнозы никого особенно не обрадовали: для комплексного внедрения «зеленой революции» в этих странах потребуется два столетия. Тогда Индия решила импортировать в 1963 году из Мексики 100 килограммов пшеницы нового сорта. Это был самый маленький в международной практике контракт на закупку зерна. На опытных участках был получен прекрасный урожай. В 1965 году в Мексике уже было закуплено 250 тонн семян пшеницы, а в следующем году — 18 тысяч тонн. Правительство Индии передало все семена селекционным станциям и призвало ученых в самые сжатые сроки провести «зеленую революцию».

Внимание ученых многих стран сосредоточилось на проблеме выращивания риса, который кормит больше половины населения планеты, главным образом Азии. Население здесь растет с каждым днем, а урожаи риса не увеличиваются. Но это не заботило колонизаторов, которые и не думали о том, чтобы досыта накормить миллионы людей, и государствам Азии, завоевавшим независимость, досталось тяжелое наследство. В 1962 году на Филиппинах, в Лос-Баньосе, был создан Международный исследовательский институт риса — ИРРИ. Это позволило в условиях тропиков на всей территории Республики Филиппины получать по три урожая риса в год.

Первые ростки вновь выведенных сортов риса были высажены на залитых водой участках в 1965 году, а через два года началось наступление широким фронтом. С одного гектара стали снимать 50 центнеров риса, то есть в четыре-пять раз больше прежнего, а на некоторых участках (например, на землях института в Лос-Баньосе) — даже до 150 центнеров. Дополнительные ре-

зервы дали сорта, обладающие более коротким периодом вегетации.

Новые сорта пшеницы и риса обладают очень важным свойством: мало реагируют на изменения солнечной радиации. Эти культуры можно выращивать в любое время года. Появилась возможность создать скользящие месячные графики сева и уборки урожая, что позволяет лучше использовать трудовые ресурсы.

Однако для осуществления «зеленой революции» нужно иметь не только семена урожайных культур и благоприятный климат. Во многих странах Азии ее приходилось проводить с людьми, из которых лишь каждый четвертый умеет читать и писать, где деревянная соха на воловьей тяге — основная сельскохозяйственная «техника» и редко кто из земледельцев слышал о минеральных удобрениях.

Фонд Рокфеллера не ошибся, вложив свой капитал в селекционную работу в Мексике. Были годы, когда прибыль достигала 700 процентов. Подобный эффект принес и капитал, вложенный в селекционную работу в Международном исследовательском институте риса. Фонд Рокфеллера и Фонд Форда заработали на «зеленой революции» миллионы.

В настоящее время мексиканскими сортами пшеницы в Азии засеяны площади в семь раз большие, чем в самой Мексике. Индия энергично переняла и то, чего добились рисоводы в других странах. Здесь нашли благодатную почву филиппинские сорта риса, хотя они и не везде популярны, так как их зерна быстрее развариваются, склеиваются. В тех странах, где рис едят палочками, эти сорта менее ценятся.

Не все растения покорились «зеленой революции». И в Мексике, и в других странах не удалось намного увеличить урожайность бобовых культур. Но и бобовым в будущем придется капитулировать.

«Зеленая революция» требует расширять площади орошаемых земель, проводить мелиорацию, совершенствовать агротехнику. Кое-как посеянные «чудо-семена» не дадут большого эффекта. В жизни вообще чудес не бывает, и это доказал весь ход «зеленой революции», которая в некоторых странах уже через несколько лет замедлилась: как и каждое новшество, она выдвигает дополнительные проблемы. И в первую очередь обнажа-

ет социальные проблемы капиталистического мира. Новыми возможностями легче пользоваться тем, в чьих руках земля и орудия ее обработки. Беднякам и она не дает возможности выбраться из нищеты.

Близ гостиницы «Филиппинская деревушка» уже несколько лет функционирует выставка «зеленой революции». Купив билет и миновав высокие бамбуковые ворота, я отправился осматривать выставку.

Каждая провинция имеет здесь свой павильон. Я переходил из одного в другой, но мало что узнал о новых сортах риса. На выставке посетителей почти не было. В целях рекламы ее организаторы открыли множество магазинов с сувенирами. В павильоне, гордо подняв гребешки, разгуливали петухи. Но что общего имели они с «зеленой революцией»? На стендах лежали тоненькие книжки с советами, как лучше подготовить почву под овощные культуры, когда их высаживать, как консервировать готовые продукты. Вся земля на выставке засажена капустой, редиской и другими овощами.

В 1973 году президент Филиппин Маркос подписал закон, который предписывал осуществление целого ряда мер по увеличению эффективности обработки земли. Согласно этому закону землевладельцы должны были засеять и засадить продовольственными культурами все пригодные к использованию земли, в том числе обочины автомагистралей, площади у аэродромов и т. д. Шефство над этими мероприятиями по проведению «зеленой революции» взяла жена президента Имельда Маркос. Там, где дорога сворачивает на аэродром Манилы, стоит стенд с портретом «первой дамы страны». Под ним надпись: «Участвуете ли вы в „зеленой революции“?» Чтобы призыв не казался голословным, по обе стороны дороги, ведущей на аэродром, высажены не цветы, а сладкий картофель, не декоративные кусты, а фасоль.

Понятие «зеленая революция» на Филиппинах охватывает не только весь комплекс внедрения «чудо-семян», но и освоение дополнительных площадей. Этим должны заниматься все, не только земледельцы и специалисты сельского хозяйства. Поэтому на Филиппинах участником «зеленой революции» считается и паренек, посеяв-

ший у здания школы горсть гороха, и старик, посадивший у своего дома деревце манго. Эти широко проводимые мероприятия помимо их большого экономического значения играют еще и воспитательную роль.

На приеме, устроенном для нас губернатором провинции Рисаль, я беседовал о «зеленой революции» с писателем из Республики Бангладеш. В нашу беседу включилась и филиппинка Роса Мария Баутиста, муж которой на симпозиуме делал сообщение о филиппинской поэзии. Когда официант на тяжелом серебряном подносе принес фарфоровую кружку с бульоном, Роса Мария махнула рукой, и официант понял, что суп ей не нужен. Отказался и ее муж.

— Мы — вегетарианцы, — пояснил поэт.

Приятно улыбаясь, Роса Мария попросила ложку вареного риса, а ее муж — салат из апельсинов.

— Много ли на Филиппинах вегетарианцев? — спросил я.

— Точно сказать трудно. Во время переписи населения такие данные, увы, не фиксируются. Но вегетарианцев на Филиппинах тысячи. И эта цифра будет расти не только у нас, но и во всем мире.

— Почему вы так думаете?

— Такова логика жизни. В мире для фанатизма остается все меньше места, верх берет разум. Человек ищет рациональные способы решения проблем, рожденных двадцатым веком.

Роса Мария рассказала, что в их семье дети сначала ели мясо. Но однажды старший сын заболел астмой, и его положили в больницу Общества вегетарианцев. Лечили мальчика не лекарствами, а диетой. И ребенок выздоровел. Теперь в семье не только родители, но и все семеро детей — вегетарианцы.

— Так мы нашли цель своей жизни, — сказала она.

— Разве такова цель человеческой жизни? — спросил я.

— Конечно! — очень серьезно ответила жена поэта. — Только переход к вегетарианской пище может спасти человечество от всеобщего голода. Когда вегетарианец не съедает свою долю, она остается другому. Вегетарианство создало бы огромные резервы пищи.

Я попытался усомниться в эффективности этой теории и заметил, что во-первых, мясо в общем рационе

питания жителей земного шара составляет сравнительно небольшую часть, во-вторых, не всю растительную пищу, которую употребляют животные, может освоить человек и, в-третьих, отказ от рыбы отрицательно сказался бы на общем пищевом балансе. Более серьезных аргументов в тот момент я не нашел. Однако Роса Мария со мной не согласилась.

— А как вы смотрите на «зеленую революцию»? — спросил я.

— Это хорошее мероприятие, — сказала Роса Мария, — но оно не разрешит мировой проблемы питания. «Зеленая революция» — лишь лекарство от головной боли, а между тем человека надо спасать от инфаркта...

На Филиппинах у каждого свое мнение о «зеленой революции».

Земля любви и ласкового солнца,
Как радостно в твоих объятиях жить.
Но повелишь — и за твою свободу
Мы все готовы голову сложить.

Х. Пальма-и-Веласкес.

«Моя земля»

*(Национальный гимн Филиппин;
пер. М. Самаева)*

Жена президента Филиппин Имельда Маркос пригласила всех участников симпозиума посетить ее родной остров Лейте. На аэродроме Манилы был выстроен почетный караул. Застывшие лица, автоматы, звуки торжественного марша не очень-то подходили для писателей, прибывших сюда из разных уголков земли. Но почести предназначались не нам. «Первая дама страны» элегантно жестом руки приветствовала почетный караул и грациозно поднялась по трапу в самолет.

Мы пошли ко второму самолету, а охрана и довольно большая группа сопровождающих — к третьему.

В кармане у меня лежал утренний выпуск «Дейли экспресс». На первой странице большими голубыми буквами было набрано: «Мабунау!» Это традиционное филиппинское приветствие на тагальском языке, которое я услышал, едва прибыв на Филиппины. «Мабунау» в переводе означает «живи». А филиппинцы всегда желают много жизни своим друзьям.

Пожелав читателям «Мабунау», газета напечатала большой, на всю страницу, снимок разбившегося вчера на аэродроме самолета, соболезнование президента страны Фердинанда Маркоса и его жены Имельды родным и близким погибших.

Наш двухмоторный самолет казался небольшим. Многочисленный отряд стюардесс встретил нас улыбкой и, конечно, традиционным «Мабунау!». Поднялись в воздух. Газету со страшным снимком я предусмотритель-

тельно убрал в карман кресла. Под крылом самолета лежали Филиппины — порожденная стихиями земля. Мощные глубинные силы планеты подняли здесь над водой тысячи островов. В издании, предназначенном для участников симпозиума, утверждалось, что Филиппины состоят из 7106 островов, а в брошюре для туристов сказано — из 7057. Куда делось 49 островов? Я вспомнил рассказ о хитром пастухе, который на вопрос, сколько звезд на небе, ответил: «Семнадцать миллионов триста тысяч двести четыре. Если не верите — сосчитайте сами...» Примерно так, видимо, считают и острова архипелага Филиппин.

...Давным-давно, — говорится в легенде, — над необозримыми водными просторами летал огромный черный альбатрос. Хрустальное небо и обласканный солнечными лучами океан были единственными друзьями этой могучей птицы. Она летала здесь уже много тысяч лет, пока не утомилась. Надо было искать место для отдыха. Но куда ни глянешь, повсюду простирался безбрежный, как время, океан. Тогда птица решила поспорить океан с небом, и это ей удалось. Гиганты схватились друг с другом. Океан бросал в голубой простор воду, а небо швыряло в него огромные камни. Когда оба великана устали, утихомирилась вода и посветлел голубой небосвод, черный альбатрос увидел внизу тысячи островов. Так родился Филиппинский архипелаг.

Только у 463 островов площадь более 2,5 квадратных километра. Другие же так малы, что свое мрачное, прорезанное глубокими морщинами каменное лицо показывают из воды лишь во время отливов. Четыре с половиной тысячи островов даже не имеют названия. 94 процента территории страны составляют одиннадцать больших островов, общая площадь которых равна площади Италии. Самый северный остров — Ями — вулканического происхождения. От него до Тайваня только 140 километров. А самый южный — Салваг. Расстояние между этими островами — 1800 километров.

Остров Лусон как по своему географическому положению, так и по экономическому развитию занимает главенствующее место на Филиппинах. Все дороги в этой стране ведут в Манилу, выросшую на западном побережье этого острова.

Озер на Филиппинах немного. Они отличаются от на-

ших как своим происхождением, так и формой: вырыты не холодными руками ледников, а порождены горячим дыханием вулканов.

На юго-западе Лусона есть озеро Тааль, где мне уже пришлось побывать раньше. Словно магнит притягивает оно всех приезжающих в эту страну. Когда-то на дне озера произошло извержение небольшого вулкана, позднее в потухшем кратере собралась дождевая вода. Беспокойные силы природы, превзойдя архитекторов в своей буйной фантазии, родили озеро в озере. Это чудо природы предстает во всей

На берегу озера Тааль

своей красоте, когда смотришь с высокого берега озера Тааль. Еще более впечатляющее зрелище откроется, если дашь несколько монет стоящему здесь мужчине и он поможет тебе забраться на широкую спину быка, которого филиппинцы называют карабао. Взглянуть на озеро Тааль с широкой спины карабао — мечта каждого туриста. Не устоял перед искушением и я. Мой горизонт расширился ненамного, но озеро обрело удивительное свойство: оно начало двигаться. Может быть, это действие вулканических сил? Может, следует ждать извержения? Но эти явления сразу исчезли, когда я, спрыгнув с карабао, снова почувствовал под ногами твердую почву.

Сегодня на это чудесное озеро я смотрел из окна самолета. С высоты картина напоминала плохой фотоснимок, она была серая, словно крыло самолета, на котором мы летели.

Черный же альбатрос рассыпался пеплом и уже бо-

лее не воскрес, как греческий феникс. Птицы нет, но посеянное ею семя раздора между небом и океаном не исчезло. Поэтому и теперь ветер может внезапно взъерошить голубые волны и превратиться в тайфун, который жаждет затопить не только небесную синеву, но и горячий диск солнца. Дрожит и грохочет земля. Тогда одни говорят, что произошло извержение вулкана, а другие утверждают, что это небо швырнуло в океан еще один камень...

С октября по апрель здесь постоянно дует северо-восточный ветер. Днем он сильнее, ночью ослабевает. В мае муссоны утихают. И на море наступает штиль. Потом поднимается ветер с юго-запада. Не сменой белой зимы и зеленого лета регулируется труд и образ жизни филиппинцев, а муссонами. Ветер здесь, как и в других местах планеты, верный друг человека. Он без усталости носит тучи, поливая жаждущую землю, поднимает к солнцу зеленые ростки жизни. Но в то же время он может быть злым и коварным. Особенно жестоки тайфуны. Родившись на юго-востоке Тихого океана, у острова Гуам, они несутся на северо-запад, опустошая и уничтожая все, что встречается на пути, топят корабли, разрушают дома, вырывают маленькие ростки риса и огромные деревья.

Настроение у всех пассажиров было прекрасное. Гости жены президента чувствовали себя как дома. Завязывались дружеские беседы, повсюду слышались шутки.

Стюардессы рассказывали нам об острове Лейте, на который мы теперь летели. Посыпались вопросы:

- Есть ли на острове кобры?
- Там, где вы будете жить, нет!
- А москиты?
- Они не злые, да к тому же очень музыкальны...
- Ослы?
- А где их нет в нашем мире?
- Аисты?
- Увы, нет.
- Кто же тогда приносит детей?

Стюардесса, не зная, что ответить, промолчала. Видимо, она испытывала неловкость за остров, на котором родилась «первая дама страны», и, немного помолчав, сказала:

Берег о-ва Лейте

— На Лейте есть летучие собаки. Они похожи на громадных летучих мышей...

Мы узнали также, что на острове почти два миллиона жителей. С севера на юг простираются горные хребты, достигающие километровой высоты. По обе их стороны сформировался различный климат, и даже люди говорят там на разных языках. Своими соседями они считают не тех, кто живет здесь же, рядом, за горами, а тех, кто поселился на рассыпанных по морю островах. На Филиппинах широкие водные пути объединяют людей, а узкие горы — разделяют.

В 1918 году американские инженеры начали прокладывать дорогу через горы, разделяющие остров Лейте. Через девятнадцать лет она была открыта, но дала лишь экономический эффект. Население, проживающее по обе стороны гор, так и не нашло общего языка.

Мы летели невысоко, поэтому в окно самолета хорошо видели острова, островки, а кое-где и выступающие из воды скалы. Они различались величиной и формой. Сверху отлично просматривались и большие корабли, и маленькие рыбацкие лодки. Длинные сети рыбаков были погружены в воду и по форме напоминали

огромную разлапистую ель. Рыба, угодившая внутрь «ели», — верная добыча рыбака.

Филиппинцы ловят около двух тысяч видов рыбы. Несмотря на благоприятные условия, Филиппины не удовлетворяют потребности населения в рыбе, поэтому власти импортируют ее из Японии. Это — наследие прошлого. Колонизаторам требовалась не рыба, а медь и табак, золото и сахар, хром и кокосовые орехи.

Под крылом самолета простирались озера облаков, а ниже — серо-зеленые острова, имена которых прочно вошли в историю Филиппин. 17 марта 1521 года у восточного берега небольшого острова Хомонхон бросили якоря три корабля Магеллана. Экспедиция покинула испанский порт Санлукар-де-Баррамеда 20 сентября 1519 года в составе 265 человек, преодолев за полтора года Атлантический океан, опасности пролива между Южной Америкой и Огненной Землей и просторы Тихого океана. В это далекое путешествие отважного португальского моряка отправил испанский король Карлос I. Магеллану король пожаловал титул «Наместник всех вновь открытых земель» и двадцатую часть доходов с них.

В 1493 году папа римский Александр VI подписал знаменитые буллы, которые узаконили разделение всего мира между Испанией и Португалией. Линия, проведенная папой, довольно четко установила сферы экспансии Испании и Португалии в Западном полушарии, но где проходила эта граница в Восточном полушарии, определенно сказать никто не мог. В начале XVI века португальцы контролировали все морские пути, ведущие из Европы в Индию и на Молуккские острова. Пряности, вывозимые с последних, ценились дороже золота. Поэтому их называли Пряные острова. Испанский король решил, что, обогнув Южную Америку, можно добраться до сказочно богатых стран Востока. Поэтому он и нанял Фернана Магеллана. 6 сентября 1522 года в родной порт вернулся только один его корабль — «Виктория» с 18 моряками. Сам Магеллан погиб и был похоронен на небольшом филиппинском острове Мактан.

Испанские корабли достигли Филиппинских островов в день святого Лазаря, поэтому Магеллан назвал его именем весь архипелаг. Свое настоящее имя Филиппины получили только спустя два десятилетия, в 1543 году, когда по пути из Мексики на Молуккские острова

здесь сделал короткую остановку командир испанских конкистадоров Вильялобос. Острова Святого Лазаря с его благословения получили имя наследника престола Испании — Филиппа. Конкистадор был предусмотрительным: вскоре принц стал королем Филиппом II.

В 1565 году из Мексики, которая тогда называлась Новой Испанией, пришли новые корабли под командованием Лопеса де Легаспи. Его задачей было утвердить на Филиппинах власть Испании. 400 вооруженных конкистадоров и большая группа монахов высадились на острове Себу. Так началась колонизация Филиппин Испанией, продлившаяся более трех столетий.

...Под крылом самолета справа остался остров Негрос. Свое название он получил от проживающих там людей из племени аэта, которых испанцы называли «маленькими неграми» — «негритос». Аэта живут и на других островах, в труднодоступных местностях. Они охотятся, собирают фрукты. Веяния веков не изменили примитивного образа их жизни. Собираясь поесть, они выходят из лачуги и громко приглашают всех в гости. Так они поступают всегда, и тех, кто нарушает этот обычай, строго наказывают. Все чужеземцы, с которыми приходилось сталкиваться аэта, приносили им только несчастья. Пришельцы из Малайи вытеснили их с плодородного побережья, испанцы уничтожали, американцы издевались над их традициями и отняли последнюю пядь плодородной земли, оставив лишь камни гор да непроходимые ущелья. Аэта медленно вымирают. Их осталось всего несколько тысяч. В 1873 году с этим племенем встречался известный русский путешественник и ученый Н. Миклухо-Маклай. По внешнему виду и обычаям он отнес аэта к группе жителей островов Меланезии.

На другом острове, Кулион, живут прокаженные. На Филиппинах из тысячи один человек страдает этой страшной болезнью. На Кулионе они возделывают землю, занимаются ремеслами. Дорога назад, в мир, им отрезана. Особенно страшна судьба родившихся там детей.

Еще дальше на юг лежит остров Мариндуке. Его жители — превосходные ныряльщики. Своему искусству они научились, доставая с морского дна огромные съедобные раковины. Ремесло это очень опасное, пото-

му что у побережья много осьминогов и акул. Бывает, что раковина захлопывается, прищемив руку или ногу ныряльщика, и он погибает, будучи не в силах подняться на поверхность воды.

Стюардесса попросила пристегнуть ремни. Самолет пошел на снижение. Внизу был остров Лейте.

С аэродрома мы направились прямо в резиденцию Имельды Маркос.

Неширокая асфальтированная дорога проходила через деревушки, в которых дома были построены на высоких сваях, петляла среди рощ стройных кокосовых пальм, испещренных небольшими квадратами рисовых полей. Эти поля напомнили мне огромную шахматную доску и приближающийся в то время матч чемпионата мира. Правительство Филиппин предложило тогда провести чемпионат мира по шахматам в Маниле и выделило на это мероприятие пять миллионов долларов. Когда оперируют такими суммами, о шахматах говорят даже те, кто не в состоянии отличить коня от ладьи и пешку от ферзя.

— Мы с президентом недавно пригласили в гости шахматиста Роберта Фишера,— рассказывала Имельда Маркос.— Это очень приятный молодой человек. Наибольшее впечатление на меня произвели его прогулки по саду президентского дворца, длившиеся часами.

— Он играл в шахматы? — спросил я.

— Только две партии с моим мужем...

— Какой же, интересно, был результат?

— Ничья,— с улыбкой ответила Имельда Маркос.

Виллы, в которых нас поселили, стояли на берегу Тихого океана. Песок здесь был черный, как рога карабао, а море голубое, как воспоминание о далекой Балтике. Я лежал на соленой воде, словно на мягчайшем мху. Но все равно было слишком жарко: нещадно палило солнце. Хорошо, что здесь же под зелеными пальмами находился голубой бассейн с охлажденной водой. Для европейцев тропики не так страшны, если в комнатах есть кондиционеры, если можешь открыть дверцу холодильника и бросить кусочек льда в стакан апельсинового сока...

Заботливая хозяйка пригласила всех к праздничному столу, роскошь сервировки которого и запахи яств могли вдохновить на оду не одного поэта. Испанские супы пре-

Госпожа Имельда Р. Маркос беседует с участниками симпозиума писателей стран Азии и Африки

красно гармонировали с американскими стейками, традиционные салаты из местных овощей — с соком манго. Жареные поросята, казалось, по собственному желанию забрались на стол, нанизались на вертела и заснули. Нигде я не видел столько различных сортов бананов. Стол сочетал стиль барокко с некоторыми атрибутами атомного века. Цыплята вертелись вокруг металлической оси перед электрическим огнем, а лед был холоднее стужи Северного полюса. Неповторимый уют придавали близость Тихого океана и стройные пальмы побережья.

— Пресса западного мира называет вас железной леди, — обратился к Имельде Маркос директор крупного нью-йоркского издательства. — Может, вы объясните нам почему?

Американец знал, что жена президента Филиппин воспримет этот вопрос как комплимент. И не ошибся.

Имельда Маркос улыбнулась и сказала:

— Спасибо. Мне приходится очень много ездить, путешествовать, летать и принимать твердые решения...

После обеда она пригласила нас осмотреть остров. Экскурсией руководил губернатор провинции Лейте, брат жены президента.

Недалеко от городка Пало, на заросшем кокосовыми пальмами берегу, нам показали памятник, воздвигнутый на том месте, где 20 ноября 1944 года высадился десант морских пехотинцев в составе четырех дивизий под командованием американского генерала Дугласа Макартура. Так пришло освобождение Филиппин от японской оккупации, начавшейся 8 декабря 1941 года, когда самолеты с красными солнцами на крыльях сбросили на Филиппинские острова тысячи бомб. Японцы оккупировали один за другим все острова Филиппин. Генерал Дуглас Макартур был сыном генерала Артура Макартура, под началом которого в 1898 году морские пехотинцы воевали на Филиппинах. Теперь, высадившись на острове Лейте, он торжественно заявил: «Свое обещание вернуться, данное три года назад, я сдержал». В тот же день филиппинские партизаны, боровшиеся все годы оккупации, еще раз поклялись не складывать оружия, пока вся страна не будет освобождена от любых оккупантов.

Свою клятву патриоты сдержали. 4 июля 1946 года в Маниле, на площади Лунеты, на том месте, где был казнен национальный герой Филиппин Хосе Рисаль, с флагштока сполз государственный флаг США. Филиппины завоевали независимость.

Однако при этом они остались связанными крепкими узами с Уолл-стритом и Пентагоном.

По договору, который Филиппинам навязали США, на острове Лусон до 1991 года должны находиться американские военные базы. Патриотические силы страны делают все, чтобы они были ликвидированы. Но есть здесь и те, кто хочет, чтобы американские солдаты как можно дольше ходили по их земле, ибо без чужих штыков им было бы трудно сохранить свое положение.

Мы остановились у квартала новых домов. Осмотрели дома из плетеного бамбука, очень удобные в условиях тропиков, в которых поселились жители городка Пало, получившие кредит за счет социального страхования. Здесь же детский сад и начальная школа. Дети, увидев жену президента, окружили ее и, получив конфеты, так сжали кольцо, что губернатору и учителям

пришлось изрядно потрудиться, освобождая ее из приятного окружения.

Зашли в одну из квартир. В комнатах чисто, нет лишних вещей. Окна без стекол. Вместо них бамбуковые решетки.

Губернатор острова пригласил нас в дом своих родителей. Там угощали манго, сладостями и кофе. Показывали большие, окованные серебром семейные альбомы. Каждый филиппинец прекрасно знает генеалогическое древо своего рода и может часами говорить о нем.

— В этом доме я родилась, выросла, и поэтому он мне очень дорог,— говорила Имельда Маркос.

Здесь Имельда полюбила музыку, училась пению. Она глубоко чтит народные традиции; постоянно общаясь с простыми людьми.

Путешествуя с Имельдой Маркос по ее родному острову, мы видели, как сердечно приветствовали ее стоящие у дорог ученики с цветами в руках.

На вопрос одного писателя, как она добилась такой популярности, жена президента ответила:

— Мне часто звонят разные общественные деятельницы с просьбами участвовать в организуемых ими мероприятиях. По возможности я никогда не отказываюсь. Работать мне помогает строгий распорядок, составленный на месяц вперед. При общении с людьми стараюсь больше слушать, меньше говорить. Утром прежде всего читаю газеты.

В 1972 году Имельда Маркос посетила Советский Союз. Она как почетный президент общества «Филиппины — СССР» многое сделала для укрепления дружеских связей между народами Филиппин и Советского Союза. Когда президент Филиппин ввел в стране чрезвычайное положение, его противники покушались на Имельду. Это событие подхлестнуло президента срочно решить проблему контроля над огнестрельным оружием в стране.

Американцы, захватившие Филиппины, с гордостью утверждали, что главная их задача — сделать эту страну зеркалом американского образа жизни в Азии. Особенно хорошо удавалось янки развивать гангстеризм и культ огнестрельного оружия. До оккупации США любимым оружием филиппинцев был крис — кинжал с вол-

нистым лезвием. Оккупанты легализовали неограниченную продажу любого оружия. Стало модным в кармане или за ремнем носить револьвер. Днем и ночью на улицах и в скверах, ресторанах и даже в церквях раздавались выстрелы. У входа в конгресс Филиппин появилась надпись, запрещающая конгрессменам приходить на заседание с огнестрельным оружием.

Бесконтрольное владение оружием и лавина гангстерских фильмов принесли свои результаты: Филиппины по преступности за короткий срок обогнали многие другие государства. Криминальный гангстеризм начал перерастать в политический террор.

Президент Ф. Маркос издал строгий закон, по которому все жители обязаны сдать оружие. На улицах столицы и других городов были установлены ящики, которые быстро наполнялись револьверами и пистолетами разного калибра, автоматами и даже легкими пулеметами. За 50 дней государству было сдано 450 000 единиц огнестрельного оружия.

Эту акцию поддержали все, кому надоело жить в атмосфере культа револьвера.

Мы ехали по хорошо асфальтированной трассе. Неожиданно машина остановилась. Через дорогу медленно, словно зная себе цену, перешел буйвол карабао. На Филиппинах лошадей очень мало. Привезенные из Китая низкорослые лошадки используются только для путешествий через горы. Здесь лошадь не пользуется популярностью. Самую большую любовь и почет филиппинцев снискал карабао. Это спокойное животное с широкими изогнутыми рогами — основная тяговая сила на селе. Без него филиппинец не смог бы жить, как бедуин без верблюда или казах без лошади. Карабао здесь — символ трудолюбия и процветания, постоянства и силы. Меняются времена. На поля приходят сельскохозяйственные машины, но они не заглушили песни о карабао. Свое почитание любимого животного филиппинцы выразили в скульптуре, отлив в бронзе двух карабао и установив их в Маниле, напротив памятника своему национальному герою Хосе Рисалю. В честь карабао поэты пишут стихи, композиторы — песни. В центральной части острова Лусон ежегодно проходят фестивали карабао. Земледельцы тщательно моют, причесывают своих животных, украшают их разноцветными бу-

мажками, шелковыми лентами. Отшлифованные рога и копыта блестят ярче, чем бивни слонов. Таких разукрашенных животных выводят на центральную улицу на парад. Мужчины садятся на широкие спины карабао. Шумная и красочная колонна отправляется к костелу Сан-Исидро. Здесь люди преклоняют колени. То же делают и карабао, хотя научить этих животных опускаться на колени не легче, чем кота — произносить молитву. На следующее утро карабао снова терпеливо пашут землю, перевозят грузы.

Мечта каждого земледельца — иметь собственного карабао. Ничего не пожалел бы для него: кормил бы самой сочной травой и кукурузой, выкопал бы у дома широкую яму, напустил туда воды из речки, чтобы любимое животное могло валяться в грязи. Увы, мечты обычно расходятся с явью. За определенную плату многие крестьяне одалживают карабао для работ у богатых соседей.

Остановились у избушки на высоких сваях. Здесь трудились трое мужчин — видимо, отец и его сыновья. Рядом высились две пирамиды кокосовых орехов.

— Это самое большое богатство нашего острова, — выходя из автомобиля, сказал губернатор провинции. — В других местах добывают золото, медь, серебро, а на нашем острове с неба... падают орехи.

Правда, сами орехи не всегда падают с пальм и их приходится снимать людям. Кокосовые пальмы на Филиппинах растут с незапамятных времен. Уже много тысячелетий они — верные союзники человека в борьбе с голодом и жаждой. Шли столетия, менялись общественный строй, религия, образ жизни людей, но кокосовый орех по-прежнему оставался верным источником пищи.

В начале XX века на Филиппинах появилось первое предприятие по промышленной обработке продуктов кокосовой пальмы. Отделенная от скорлупы и высушенная внутренняя часть ореха — копра — на фабрике попадает под мощный пресс. Выжатое кокосовое масло используется в пищу, для производства маргарина, духов и мыла. Оно всегда пользуется большим спросом на мировом рынке. По экспорту кокосового масла Филиппины занимают первое место в мире.

В знойный тропический день отлично утоляет жажду прохладная жидкость. Этот напиток называют кокосо-

вым молоком, хотя по цвету, вкусу и составу он несколько не похож на молоко коровы, козы или буйволицы.

Кокосовое молоко пьют; внутренний слой ореха употребляют в пищу; скорлупа, разделенная пополам, — отличная посуда, а брошенная в огонь, она горит жарким пламенем. Из молодых листьев пальм готовят вкусный салат. Из сока дерева, который получают, надрезая листья, готовят алкогольный напиток туба. Ствол дерева используется как строительный материал, листья — для покрытия крыш. Из корней добывается необходимый в медицине танин. Из лубяных волокон ткнут ковры, плетут обувь. За щедрость к человеку филиппинцы называют кокосовую пальму деревом жизни.

В нормальных условиях кокосовая пальма имеет 22 листа. Если число их меньше двадцати, пальма не плодоносит. Поэтому ураганы и тайфуны — злейшие ее враги. Саженец кокосовой пальмы приносит человеку первые плоды через два-три года. На Филиппинах за год собирают около пяти миллиардов орехов.

В 1926 году на Филиппинах появилась страшная, еще не исследованная учеными болезнь кокосовых пальм. Зараженные деревья, сбрасывая листья, умирали стоя. Оголенные стволы поднимались ввысь, словно взывая о помощи. Чтобы эта болезнь не распространялась, в радиусе пяти километров вокруг заболевших пальм вырубали все деревья.

...На концерте в резиденции Имельды Маркос девушка пела о кокосовой пальме. Слова были простые, но с большим смыслом, как и во всех народных песнях: «Если корни дерева жизни не поливать человеческим потом, оно не будет плодоносить».

Гордость резиденции — ботанический сад. Уютные тропинки петляют среди вечнозеленых олеандров и других тропических растений. Фантазия человека придала густо-зеленым кустарникам форму различных геометрических фигур. Статуи из белого мрамора словно охраняют прекрасный сад. Проекторы освещают высокие пальмы снизу, а зеленые лужайки — сверху. Над папоротником порхают стайки птиц. Их на Филиппинах свыше 450 видов. Многие прилетают сюда зимовать из Японии и Кореи. Птицы очень яркие, в пестром оперении, но пение их не столь приятно, как у обитателей наших

лесов и полей. Природа строга и справедлива: одним она дарит привлекательную окраску, другим — элегантность, третьим — мелодичный голос. Тропические птицы не заливаются так, как наш соловей, не кукуют, как кукушка, и не щебечут, как скворцы. Когда слушаешь их, кажется, будто кто-то режет железо, или плачет ребенок, или тонущий зовет на помощь...

Прощание с женой президента было коротким, но искренним. Она сказала нам: «Mabuhay!» А это короткое слово значимее длинных речей.

Прилетев с острова Лейте в Манилу, на аэродроме я хватился своего чемодана. Та же участь постигла председателя Союза писателей Пакистана поэта Фаиза Ахмада Фаиза и известного индийского писателя Мукерджи.

— Скорее всего они в другом самолете, — заявили встревоженные стюардессы и посоветовали нам подождать.

Служащие аэродрома отвели нас троих в большую комнату с вентиляторами под потолком, предложили кофе. Впервые за все время пребывания на Филиппинах появилась возможность посидеть спокойно. Мукерджи интересовали связи литовского языка с санскритом, он очень обрадовался, когда узнал, что два литовских поэта — Эдуардас Межелайтис и Вацис Реймерис — лауреаты премии имени Джавахарлала Неру.

Не прошло и часа, как за переплетенным густой сеткой окном раздался звук идущего на посадку самолета. Наши вещи оказались там.

Фаиз Ахмад Фаиз и Мукерджи на прощание сказали:

— Счастливого пути!

**ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК:
ОСУЖДЕНИЕ ИЛИ ВОЗВЫШЕНИЕ**

Аплодисментов не прошу у вас,
и лавровый венок мне не услада:
аплодисменты — для отвода глаз,
а лавры — вянут за оградой сада.

*П. Викториано.
«Тагальская гордость»
(пер. П. Грушко)*

Поэты, которые читали свои стихи, были похожи на богов Олимпа. Их слова потрясали обомшелые каменные стены и чуткие сердца людей, поднимались к светлым звездам, но, столкнувшись с черным небосводом тропической ночи, мощным эхом возвращались назад, в объятия матери поэзии — Земли...

У полуразвалившихся ворот, выложенных когда-то из массивных каменных плит, нас встретили хозяева вечера — филиппинские писатели, артисты, музыканты. Девушки в длинных черных туниках, очень напоминающих сутаны католических монахов, украсили нас белыми гирляндами благоухающей сампагиты. Их походка и внешность были необычны: одна сторона лица окрашена в белый, другая — в красный цвет. День и ночь. Радость и горе. Верность и самопожертвование. Вечность и смерть.

Окруженные всеобщим вниманием, сопровождаемые нежной музыкой и последними лучами уходящего солнца, мы шли по каменной тропе в импровизированный театр под открытым небом, обнесенный разрушающимися каменными стенами старого форта. Настоящий театр имеет право на существование без мягких кресел и хрустальных люстр.

Этот театр находится в районе Интрамурос, в самом сердце старой Манилы. Он носит имя раджи Солимана, который погиб 24 июня 1571 года, защищая свою землю от солдат испанского конкистадора Легаспи.

Если бы весь этот район можно было превратить в театр, подобный тому, в котором теперь происходил праздник поэзии, и на его сцене воскресить некоторые эпизоды истории Филиппин, зрители увидели бы охваченных золотой лихорадкой солдат, зараженных черным фанатизмом католических монахов, жестоких мусульманских пиратов, умирающих в темных подвалах узников, пирующих в светлом зале колонизаторов и множество других картин.

В тропиках закаты и зори коротки. Словно чья-то невидимая могучая рука увлекла солнце в воды Манильской бухты, и театр раджи Солимана утонул в темноте. Появились мужчины с факелами и зажгли огни на всех углах форта.

В подземельях форта Сантьяго испанские колонизаторы хранили порох, японские милитаристы содержали американских и филиппинских пленных. Когда в феврале 1945 года в Манилу вступили американские морские пехотинцы, в подземельях форта они нашли 600 трупов.

Колеблющееся пламя факелов тянулось вверх, словно свечи кипарисов. Но ни яркие звезды, ни факелы не могли осветить лиц всех собравшихся в тот вечер в театре. Зрители сидели в темноте. Сильные прожекторы перекрестным огнем освещали только поэтов, выходивших на импровизированный Олимп.

Их не представляли публике: больших поэтов люди узнают по слову.

В Тюрингии, в замке Вартбург, в средневековье проходили состязания поэтов-миннезингеров. Выступившего хуже всех поэта заключали в тюрьму. На фестивале поэзии в Маниле проигравших не было. Две стройные девушки венчали лавровыми венками голову каждого, кто шел к микрофону, чтобы поделиться своим сердцем с жителями этого импровизированного мира поэзии.

Фестиваль поэзии в форте Сантьяго был открыт чтением «Последнего прощай» Хосе Рисаля, написанного им в последнюю ночь перед смертью. Его прочли молодые поэты Доминго Ландичо и Вирхилио Алмарио.

На Олимп поднимается молодой филиппинец. Его шаги робки, а взмах руки не высекает молний и не вызывает грома.

— Я не буду читать вам стихов о политике. Я не пишу о насилии и борьбе,— начал он.— Птица моей

поэзии живет в моем собственном сердце, поэтому я почитаю вам стихи о душе человека, о ее благородстве...

Прожекторы освещают лицо другого поэта.

— Я прочитаю вам стихотворение о колонизаторах XX века, о крови, пролитой в борьбе против империалистов...

Глаза поэта сверкают ярче лучей прожектора, от его голоса вздрагивает пламя факелов. Становится так тихо, как в океане перед бурей. Напряженную тишину разрывают слова, твердые, как кораллы, и острые, как грани перламутровых ракушек.

Стихи иногда сопровождалась нежной музыкой. Она колыхалась в пространстве, как тронутые ветром ленты тончайшего шелка, печалю и радуя, волнуя и умиротворяя души людей. Аккорды летели с самых далеких звезд, из глубин черной ночи, из груди доброй Земли. Таким тембром обладают лишь те инструменты, которым люди отдали свое сердце и чувства; такие мелодии способны создавать лишь талантливые поэты.

Но на Филиппинах можно услышать и другую музыку. Из транзисторов вырываются иногда такие звуки, что кажется, будто разгневанные мужчины пытаются распилить нашпигованное гвоздями бревно. У каждой цивилизации, каждой культуры и эпохи есть своя одежда и свои формы, краски и звуки. В мире нет ничего абсолютно постоянного. Ритмы американской музыки пришли на Филиппины как мода, а моды всегда бурные, но очень непостоянные. Только созданные народом мелодии, спокойные, чистые, как капли дождя на цветке, выдерживают натиск веков и никогда не увядают.

Прожекторы осветили поднявшуюся на трибуну поэтессу из Японии, ее черные волосы, стройную фигуру. Свои стихи она читала на японском языке. Поэтесса родилась уже после того, как мир был потрясен атомными бомбами, сброшенными американцами на Хиросиму и Нагасаки. Но эхо тех взрывов еще носится по земному шару, и поэтому она не может не писать о черной смерти. Подлинная поэзия на стороне человека и мира. Даже самые отпетые реакционеры не осмеливаются публично сесть за стол и подписать конвенцию, запрещающую использовать оружие поэзии, хотя многие хотели бы это сделать, потому что поэзия крушит наси-

лие, несправедливость, социальный гнет. На стороне подлинной поэзии — люди, солнце, глаза детей.

На фестиваль поэзии прибыла Ани Канафи, вдова лауреата международной премии Лотоса поэта Хасана Канафи. Стихи ее мужа были направлены против расизма, против социального гнета. Расистов бесил голос поэта. В Бейруте в его автомобиль подложили бомбу. Хасану Канафи была присуждена премия Лотоса, но на Филиппины за ней приехала его вдова.

Бомбой можно убить поэта, но не поэзию.

Где-то жутко вскрикнула ночная птица, глухо зашелестели крылья, хотя ее нигде не было видно. В сознании всплыла картина Чюрлениса: ребенок нежными ручонками прикрывает хрупкий пушистый одуванчик. От малейшего дуновения ветерка белый пух одуванчика, казалось, поднимется, улетит. Но над ними нависает черная птица. Мощны ее крылья. Сохранится ли пух одуванчика? Сохранится, потому что ладошки ребенка охраняют красоту и они сильнее крыльев черной беды.

И снова крик ночной птицы, но теперь уже где-то далеко. А потом она и совсем умолкла. Не напугала ли ее птица поэзии?

На черном небосводе медленно поднималась луна. Она была чем-то недовольна, с крепко сжатыми губами, словно не хотела в минуту гнева сказать что-нибудь злое. Еще совсем недавно поэты всего мира, глядя на луну, черпали в ней вдохновение. Она была путеводителем заблудившихся, другом влюбленных. Но вот на ее каменное, отражающее чужой свет тело ступила нога человека. И оказалось, что уважали и воспевали ее только за недосыгаемость и таинственность, а не за серебристый свет, посылаемый Земле, и не за то, что она была ее верным спутником.

Время залечивает раны. Луна привыкнет к своему новому положению, и повеселеет ее лицо. Через некоторое время поэты вновь вспомнят своего старого друга. Но в эту ночь они предназначали стихи только Земле, ее радостям и заботам.

Луна поднялась еще выше. Теперь она освещала башни церкви Сан-Агустин, самое древнее здание в Маниле.

Первоначально его стены и алтарь были из бамбука. В 1574 году костел разрушили высадившиеся здесь пираты. Монахи восстановили его, но через несколько лет

местные жители вновь сожгли его в знак протеста против насилия пришельцев.

Однако там, где была куча пепла, опять вырос огромный храм господень. Церковь спроектировал монах Хуан Антонио де Эрера, сын архитектора, который в Мадриде построил королевский дворец Эскориал. Автор проекта, осматривая строящуюся башню, оступился, падая, запутался в сутане и задохнулся. Это было плохое предзнаменование. Но мрачные пророчества не исполнились. Церковь стоит и по сей день, хотя ее пять раз испытали на прочность сильные землетрясения. Фундамент церкви имеет форму ладьи. Во время землетрясений он словно плывет по гибельным волнам земли и нерушимо стоит по воле и разуму человека-творца. Епископы же утверждают, что его хранит десница господня.

Ежедневно, в шесть часов вечера, стены форта Сантьяго содрогаются от пушечного выстрела. Он возвещает людям о завершении дня, по нему здесь проверяют часы. Выстрел из старой пушки форта имеет еще один смысл — напоминает филиппинцам, что независимость завоевывается с оружием в руках.

Луна поднимается все выше и освещает мемориал национального героя Филиппин Хосе Рисаля Меркадо-и-Алонсо. Памятник скромный, но впечатляющий, как и сама жизнь этого патриота. Стена из красного осыпающегося кирпича упирается в небольшой двухэтажный дом в японском стиле, крытый черепицей. К его белым стенам прильнули огненные цветы. Все это говорит о насилии, о крови. И в то же время красные цветы — символ любви и уважения.

Хосе Рисаль знал 22 языка, был талантливым публицистом и этнографом, прекрасным врачом и скульптором, поэтом и художником. Его романы «Не прикасайся ко мне» и «Флибустьеры» переведены на многие языки мира. Они разоблачают испанских колонизаторов, показывают двуличие и извращенность монахов, ставят к позорному столбу тех, кто сотрудничал с ними. Этими книгами и своими публицистическими статьями писатель навлек на себя гнев реакции. При первом удобном случае, когда филиппинцы поднялись на борьбу, колонизаторы инсценировали судебную комедию и расстреляли его утром 30 декабря 1896 года. Хосе Рисалю было всего 35 лет...

Имя Хосе Рисаля носит парк, который филиппинцы называют еще Лунетой. В центре его стоит обелиск, украшенный тремя звездами, символизирующими единство трех частей Филиппин — Лусона, Минданао и Висайя. Недалеко от памятника место, где пал, пронзенный пулями, великий сын филиппинского народа. Здесь высечены слова его «Последнего прощай». Холодный камень и поэзия горячего сердца соединились на века...

Пятьдесят пять писателей, собравшихся со всех континентов в столицу Филиппин Манилу, в дни симпозиума не создали какого-либо общего литературного произведения, но труд их не пропал даром. Была принята декларация — важный документ, подчеркивающий единство и сплоченность писателей мира.

В то же время не обошлось здесь и без бурных дискуссий. Так, один молодой филиппинский автор сказал: — Дух Востока и материализм Запада не являются непримиримыми врагами.

Однако лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» известный пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз поправил его:

— То, что вы называете западным материализмом, есть капитализм...

На трибуне поэт из Австралии. Как и всем, ему возложили на голову лавровый венок.

— Назначение поэзии — разрушать старый мир, — начал он. — И мы должны его разрушать, не оглядываясь назад. Лавровыми венками увенчивались античные поэты, но тогда был рабовладельческий строй. Лавровые венки воспевали миннезингеры средневековья, но ведь они не поднимали голоса против феодального гнета... Я не могу читать свои стихи, если мне на голову давит символ пережитков прошлого. Лавровый венок — это осуждение честного поэта!

И поэт снял зеленую лавровую корону с головы, бросив ее у своих ног. Раздались жидкие аплодисменты, но тут же умолкли. Никто не знал, как вести себя в таком случае, ибо до сих пор еще ни один поэт не осмелился на подобный шаг.

Свои произведения он читал по-английски, используя всего двенадцать слов. Переставляя и по-разному группируя их, поэт получал рифмы и аллитерации. Казалось, он строит странный замок из разноцветных кубиков.

Когда его строение рушилось прежде, чем он клал на него последний кубик, австралиец все начинал заново. Все с нетерпением ждали, что будет дальше. Но дальше ничего не произошло: разбросав во все стороны свои двенадцать слов, поэт гордо сошел с трибуны.

На его место стремительно поднялся другой. Его медное тело прикрывала рубашка цвета хаки. Девушки с лавровыми венками остановились в растерянности.

— Поэзия — это голос народа, меч борцов, вода родника, — звучал металлический голос оратора. — Почет поэтам вечен, как земля. Имеет ли поэт право не смотреть людям в глаза? Имеет ли он право не заметить протянутый ему букет цветов? Лавровый венок добрые и нежные руки филиппинских девушек сплели и из благородных листьев, и из трепета своих молодых сердец, и из любви к поэзии. Мне дорог почет филиппинского народа. Я принимаю его.

Поэт почтительно наклонился, поднял с земли зеленую корону поэзии и увенчал свою голову. Ночную тишину разорвала буря аплодисментов.

Традиции, созданные на протяжении долгих веков чувствами и мудростью человека, отличаются и от пестрых перьев павы, и от плывущей по небу белой тучки.

На Олимп поднялся поэт из Мали Х. Диавара.

Если будешь говорить — умрешь...

Если будешь молчать — умрешь...

Я хочу говорить и только потом умереть!

Он читал стихи на своем родном языке. Не все их поняли. Но все знали, что в них заложен глубокий смысл, потому что голос Диавары звучал как сталь клинка, лицо его было суровым, как измученная засухой земля. Прожекторы освещали его, и всем стало ясно, что лавровый венок всегда украшает голову подлинного поэта, только надо уметь разглядеть его...

Ее воспеть я несказанно рад!
Прекрасней всех ундин и всех наяд,
она — мой свет и нить моей судьбины.
Художники, из миртов и лилей
венец сплетите родине своей —
не уставайте славить Филиппины.

Х. Рисаль
«В альбом филиппинским художникам»
(пер. П. Грушко)

Полотно Феликса Идальго «Трагедия губернатора Бустаманте» в Национальном музее было открыто под звуки государственного гимна. На торжествах выступали деятели культуры страны. Когда умолкли торжественные речи, когда разошлись люди и огромная картина осталась висеть на стене, к ней подошла женщина, прекрестилась, опустилась на колени и начала молиться.

У каждой картины, как и у человека, своя история. Эта впервые демонстрировалась в 1905 году в США на выставке в Сент-Луисе. Молодой филиппинский художник Феликс Идальго был удостоен за нее золотой медали. Когда выставка закрылась, картину вынули из дорогой рамы, свернули в рулон и через Атлантику перевезли в Барселону. Вторично она увидела свет лишь спустя семьдесят лет в Национальном музее Манилы. Картина пережила периоды признания и забвения.

В 1717 году король Испании назначил губернатором Филиппин дона Фернандо Бустаманте. Приняв позолоченный жезл — символ власти, он принял и зараженный коррупцией управленческий аппарат, опустошенную казну. В карман государства запускали руки все, кто только мог подойти к нему: высокие чиновники и благородные вельможи, чванливые офицеры и смиренные на вид епископы. Губернатор арестовал виновных, среди них и католического архиепископа. Его противники пустили слух, что Бустаманте, арестовав заместников Христа,

собирается пригласить в свой дворец сатану. Этого было достаточно, чтобы восстановить против него фанатичных католиков Манилы. Однажды они ворвались во дворец с крестами в руках и истоптали дону Бустаманте — как им казалось, наместника Люцифера на земле.

Когда женщина, помолвившись у картины, поднялась, я увидел ее спокойное лицо, наполненный внутренним удовлетворением взгляд. Она видела в руках одних людей мечи, в руках других — кресты, видела горящие фанатизмом глаза толпы, и этого было для нее достаточно, чтобы пасть на колени. А может, она молилась у картины не потому, что была потрясена крестами и мечами, а оттого, что была пленена талантом художника — гармонией красок, монументальностью фигур и композицией рисунка. Разве преклонить колени перед шедевром, созданным гением, не одно и то же, что стать на колени перед богами, которых человек создал для себя в минуты бессилия.

Феликс Идальго родился на Филиппинах, учился в Маниле и Мадриде, работал в Париже, путешествовал по свету. Следуя по Транссибирской магистрали по пути из Японии в Италию, он заболел и в 1913 году, доехав до Барселоны, умер. Родственники перевезли прах художника в Манилу, а Мария Ирития, которая на протяжении 40 лет была его натурщицей, решила отвезти на Филиппины и его картину «Трагедия губернатора Бустаманте». Самопожертвование любящей женщины не знает предела. Мария Ирития погибла у берегов Африки, когда корабль во время бури был выброшен на скалы. Но картина все же достигла Манилы и спустя многие годы была торжественно выставлена в музее.

Феликс Идальго вместе со своим современником Хуаном Луной завоевал высокое признание в мире искусства, развеяв миф, распространенный колонизаторами, что филиппинцы безнадежно отсталые и неспособные к творчеству люди.

В Маниле я познакомился с молодым художником Бенедиктом Кабрерой, который избрал себе псевдоним Бенкаб. Его картины напоминают странные фотографии. Бенкаб рисует только людей. Образы его картин то серьезные, то веселые и игривые. Его юмор — черный, смех — больной, красота — грустная. Долгие века колонизаторы изображали филиппинцев жестокими. Поэто-

му некоторые художники страны ударились в другую крайность — всюду, где только возможно, доказывают, что филиппинцы нежны и сентиментальны. Художник Бенкаб высмеивает приспособленческую нежность, разоблачает сладкую сентиментальность.

В картине «После победы» он изображает группу военных и штатских (в мундирах, фуражках или шлемах), стоящих в торжественных позах с саблями или тростями в руках. Но ни один из них не имеет лица. Художник их не нарисовал. Руки, ноги, одежда, поза изображенных на картине людей говорят ярче, чем лица. Это произведение искусства надолго остается в памяти.

— Искусство Филиппин такое же, как лица людей на этой картине, — загадочно улыбаясь, сказал мне в Маниле один молодой художник.

Неправда. Живопись Филиппин имеет свое лицо. Художники, которые учились в Европе, конечно, пережили влияние течений в искусстве этого континента, но своей душой остались верны и гамме красок, и настроению, и мироощущению родного края. Так случилось с Феликсом Идальго, Хуаном Луной, Бенедиктом Кабрерой (Бенкабом) и многими другими.

Культура этой страны формировалась и развивалась под самым различным влиянием. Давайте попробуем проследить ее историю. В каменном веке на этих островах жили племена негроидной расы — аэта. Позднее их вытеснили с побережья в горы племена, прибывшие сюда через Таиланд, Бирму, Южный Китай. Их потомки и по сей день живут в горах Сьерра-Мадре и горных районах Карабальо. Новый наплыв пришельцев начался во II веке до н. э. и продолжался почти до XIII века. Тогда на Филиппины высадились малайцы с островов Индонезии, потомки которых насчитывают сегодня девять десятых всего населения Филиппин.

Торговля Филиппин с Индией началась еще в V веке до нашей эры. Но даже самые дорогие товары, привезенные с полуострова Индостан, погибли. Сохранились лишь несколько статуэток Шивы да бронзовые украшения. Более живучими оказались не товары, а слова санскритского происхождения, которые и по сей день встречаются во всех языках архипелага.

Жители островов поддерживали тесные связи и с Китаем. В начале нашего века китайские купцы приво-

зили сюда глиняные горшки, шелковые ткани, металлический инструмент, а вывозили золото, перламутр, древесную смолу. Сегодня на Филиппинах насчитывают более миллиона китайцев, которые не ассимилируются, сохраняя свои обычаи и язык.

Глубокий след в культуре и цивилизации филиппинцев оставили ислам, пришедший сюда через Индонезию, и христианство, завезенное испанцами. Не оказался в стороне и американский образ жизни, который почти полвека пропагандировали империалисты США.

Культура народов этого архипелага напоминает огромный, начатый неповторимым гением, но еще не завершенный витраж, прелесть которому придают стекла различной окраски, формы и величины. Не завершен он потому, что «завершенной» культуры или искусства в жизни нет вообще и быть не может. Но такая незавершенность отнюдь не умаляет культуры, а, наоборот, придает ей дополнительную красоту и смысл.

Витраж культуры народов Филиппин отличается от витражей культур других народов, но на отдельные его элементы или краски могут претендовать арабы и китайцы, малайцы и испанцы, мексиканцы и американцы.

Когда говоришь об искусстве Филиппин, не следует забывать о «трех китах», на которых держится этот изумительный мир.

Во-первых, он формировался в течение многих столетий под влиянием различных факторов, привнесенных на архипелаг из других частей света.

Во-вторых, все внешнее влияние прошло сложный, отнюдь не механический процесс, в результате которого менялись понятие красоты филиппинцем, его эстетический вкус. В свою очередь, филиппинец абсорбировал не все. Сила его внутреннего мира, его характер, образ жизни и духовная интуиция многое отбросили, многое изменили.

В-третьих, отдельные острова, отдельные социальные слои населения имели и по сей день имеют собственные русла развития культуры. Поэтому и результаты разные. Некоторые историки пытались и пытаются объяснить искусство, музыку, литературу Филиппин, отрывая их от реальной жизни. Их аргументы не выдерживают критики. Культура — не платье, которое каждый может переодеть, когда захочет. Культура — это кожа,

сросшаяся с мускулами тела, и сорвать ее невозможно, не уничтожив весь организм.

Мы в Филиппинском культурном центре. Это огромные, современные здания века космонавтики и кибернетики. Когда смотришь на это, напоминающее космодром строение, может возникнуть мысль, что модернизм тут похоронил народные архитектурные традиции. Однако для народного искусства, его традиций всегда найдется место, пока будут воздвигаться театры, музеи и галереи, а не только банки, порты и железные дороги.

Филиппинские архитекторы, проектируя этот огромный комплекс культуры, в котором вместились несколько театральных и концертных залов, картинные галереи, музеи искусства, не находились в плену прошлого, а смело глядели в будущее. Уважая свой народ, они не желают ему жизни в лачугах, построенных в джунглях, а зовут выйти на площадь космодрома, на широкую дорогу XX века.

— Все это еще раз доказывает, что Филиппины являются форпостом западной цивилизации в Азии,— сказал американец, восхищаясь архитектурой дворца.

А японская поэтесса всюду, куда мы ни ехали, искала в филиппинской архитектуре лишь черты, характерные для Востока. Ей очень хотелось видеть Филиппины страной Востока.

Филиппинец-драматург не уставая повторял, что культура его страны находится где-то между Востоком и Западом, не забывая добавить, что это его личное мнение.

Слова «Восток» и «Запад» — понятия очень условные. Когда находишься в Америке, расположенную на западе Японию называют страной Востока, а Европу, в которую надо ехать на восток — западным континентом. Принято говорить, что восходящее солнце первыми видят японцы, но, если бы нулевым меридианом был назван не тот, что проходит через Гринвич, а проходящий, скажем, через Токио, первыми восходящее солнце видели бы люди, живущие на восточном берегу Америки. Все зависит от того, на какой точке земного шара находится и как эта точка названа.

Не менее условно также распределение культур и цивилизаций на «восточные» и «западные».

Некоторые филиппинские критики искусства призы-

вают художников воскресить старые, существовавшие до мусульманской веры и испанской колонизации формы искусства и на этой основе создать абсолютно новое, оригинальное современное филиппинское искусство.

Это сделать нелегко. Во-первых, волна католичества смела и уничтожила многие старые произведения искусства, так как они были связаны с язычеством и старинными обычаями филиппинцев. Сохранились они только в труднодоступных районах, где население избежало нашествия колонизаторов. Во-вторых, повернувшись лицом к седой старине, неизбежно откажешься от культурного наследия, созданного в более позднее время и не менее ценного, чем шедевры древности. Поэтому большинство филиппинцев сегодня полагают, что им надо развивать такое искусство, такую культуру, которая корнями уходила бы в рисунки, выполненные первобытным человеком на стене пещеры, и в то же время смотрела вперед, в космическое будущее. Продвигаясь в этом направлении, филиппинцы сделали многое. Нам показывали документальный фильм о церемонии открытия Филиппинского культурного центра в Маниле праздничный парад. Прибывшие из разных районов страны танцоры, музыканты, художники, спортсмены проходили мимо трибун, демонстрируя свое мастерство. Здесь не только демонстрировались старинные танцы у костра с каменными топориками, но и проходили выступления профессиональных артистов балета. Динамичные ритмы, буйство красок, грациозность шага, искренность песни — все переплелось в одном огромном представлении, симфонии музыки и красок, все говорило о блеске и богатстве творческого гения филиппинского народа.

В галереях Манилы можно увидеть множество вырезанных из дерева фигур святых. Присмотревшись к их лицам, я заметил в них не только испанские, но и малайские черты. Народные мастера вырезают из дерева святых, глядя на живых людей. До испанской колонизации в каждой семье обязательно был один скульптор-богорез. Католические патеры объявили, что они создают не богов, а чертей из преисподней, и приказали уничтожить, сжечь фигурки. Но тяга резчиков по дереву к своему искусству оказалась сильнее жара костров. Тогда католические священники разрешили им вырезать,

но только богов с крестом в руках. Но долго еще филиппинцы вырезали и своих богов. Причем они получались красивее, чем злые боги пришельцев.

Католические церкви на Филиппинах не так богаты золотом и серебром, как в Мексике или Перу, но в них находится несметное множество созданных руками народа уникальных скульптур, орнаментов, фресок. Триста лет филиппинских художников ставили перед выбором: или создавать то, что нужно церкви, или вовсе ничего не создавать. Только в конце XIX в. лишь немногим удалось преодолеть влияние католицизма.

Гордость Национального музея в Маниле — экспозиция доисторического человека культуры Табона, жившего девять тысяч лет назад. Посетители могут осмотреть пещеру предка филиппинцев, орудия его труда и домашнюю утварь. Подобную пещеру человек обжил уже 50 тысяч лет назад. А остатки костей животных еще более древние — им 200 тысяч лет.

Из эпохи культуры Табона сохранилась глиняная скульптура. Два человека плывут на челне в далекий и неизвестный посмертный мир. Один из них задумался, скрестив руки на груди, другой держит весло.

О высоком художественном вкусе и большом профессиональном уровне жителей Филиппинских островов свидетельствуют украшения. Уже в глубокую старину, в середине железного века, они умели изготавливать стекло двух цветов: зеленое — с примесью железа и синее — меди. Филиппинцы — прекрасные ювелиры, а их украшения и утварь из перламутра отличаются особым изяществом. В Маниле трудно найти магазин, в котором не предлагали бы товары из перламутра. Коробки для украшений и шахматные доски, подсвечники, заколки и дорогая мебель — вот сфера его применения. Вынесенные морской волной из водных глубин или поднятые на берег ныряльщиками блестящие белые ракушки в руках художника превращаются в сказки тысячи и одной ночи. Особенно большое впечатление оставляют люстры. Отражая и преломляя лучи солнца, перламутровые чешуйки превращаются в тысячи маленьких солнц, излучающих спокойный, приятный свет.

Наиболее знаменит на Филиппинах Эрнандо Окампо. Он — представитель модернистского искусства, знамя молодежи, ищущей новых путей. Картину этого худож-

ника «Генезис» увеличили в сто раз и превратили в занавес для сцены Культурного центра. Окампо утверждает, что долг художника создать такую картину, глядя на которую, каждый видит то, что он сам хочет.

Художники Манилы подарили мне старинную глиняную птицу, которая похожа и на паву, и на петуха, и на чайку. Она сидит на рыбке и в клюве держит рыбку поменьше. Это легендарный «Сари-манок». Он известен и популярен по всей стране, но особое почтение ему выказывает проживающее на острове Минданао племя маранао мусульманского вероисповедания. На Филиппинах нет такого праздника, на котором не присутствовал бы «Сари-манок». Он трепещет на шелке транспарантов, сидит на древках знамен, смотрит на людей с крыш домов. Птица эта изображается по-разному, но в то же время сохраняет традиционный облик.

...Давно, очень давно на острове Минданао жил раджа Индарапатра. Он влюбился в красавицу богиню, которая каждую ночь на пятницу прилетала с Луны на Землю искупаться в родниковой воде. Но богиня поставила условие: она выйдет за него замуж только тогда, когда раджа прилетит на Луну. У Индарапатры была чудесная золотая птица, которая, узнав о страшном горе хозяина, решила помочь ему, подняла раджу ввысь и на глазах удивленной толпы исчезла в голубом небе. Чтобы не забыть облика чудесной доброй птицы, люди решили сделать такую же из глины, дерева и камня. Когда они закончили работу, оказалось, что птица напоминает петуха. Еще и теперь мастера пытаются сделать птицу более похожей на ту, которая «унесла Индарапатру на Луну к любимой», но ни одному это не удастся. Хотя их творения и не совсем совершенны, все же они несут людям счастье и радость, зовут к поиску. Такова природа и цель настоящего искусства! Желание изваять золотую птицу — не что иное, как врожденное стремление мастера создавать ценности искусства, совершенствованию которых нет границ.

Глядя на декоративные узоры, статуэтки из дерева, глиняные фигурки, картины, я не сомневался в том, что необходимость искать и создавать прекрасное глубоко живет в сердце каждого филиппинца. Легендарный «Сари-манок», расправив крылья, зовет их в мир еще не изведанной красоты.

Что есть величие? Что оно такое?
Как до него дотронуться рукою?
И в чем оно? В пучине океана?
Или в небесной выси осяянной?

П. Перальта-Пинедо.
«Величие»
(пер. Г. Плисецкого)

Первым человеком, которого я узнал, выйдя из автобуса, доставившего нас с аэродрома Манилы в гостиницу «Филиппинская деревушка», был Вильям Сароян, хотя раньше мне никогда не доводилось встречаться с этим известным американским писателем. Он живет в калифорнийском городе Фресно, где я бывал не раз, но дороги писателя и его почитателей чаще всего перекрещиваются только тогда, когда читаешь его книги.

Впрочем, Вильяма Сарояна узнал бы каждый, кто хоть раз видел его фотографию. Невысокий, подвижный, аккуратен одетый, он, может, и не выделялся бы среди других, если б не знаменитые усы и быстрые, как огонь, глаза, взгляда которых не могут скрыть даже густые, чуть тронутые сединой брови.

Вильям Сароян стоял у двери «Филиппинской деревушки» и, засунув руки в карманы брюк, наблюдал, как служащие гостиницы сноровисто обслуживают прибывающих гостей. Вдруг он взглянул на автобус, из которого мы выходили, и крикнул:

— Мистер Софронов, приветствую вас и всех ваших коллег, советских писателей!

Спустя каких-нибудь полчаса мы уже сидели с Вильямом Сарояном в баре гостиницы в удобных, глубоких креслах у низкого столика, уставленного чашками с кофе.

Сароян был приглашен в качестве гостя на наш симпозиум.

— В Манилу я прибыл почти путем Магеллана,— рассказывал Сароян.— Только летел на самолете. Магеллан, огибая земной шар, искал другой путь в Индию. Нам, писателям, ничуть не легче, чем морякам, в поисках пути к сердцу читателя, особенно молодого. Какой вырастет наша молодежь — таким станет будущее человечества. Радуюсь, что на симпозиуме будут обсуждены эти проблемы.

Иногда писатель путешествует дальше, чем его книги. Лучше, когда бывает наоборот. Книги Вильяма Сарояна перешагнули границы многих государств. Одна из них, «Шестьдесят миль в час», издана в Вильнюсе. Его творчество завоевывает признание читателей на значительно большей скорости.

Выслушав меня, Сароян весело рассмеялся:

— Но не только мои книги, я тоже люблю путешествовать. В Советский Союз приезжал не раз, но в Литве побывать не довелось.

— Как вы расцениваете свои достижения по пути на литературный Олимп? — спросил я.

— Писатель всегда старается выяснить то, чего вчера не могли сделать боги, а сегодня — наука, поэтому он постоянно не соглашается сам с собой,— ответил Сароян.— Я никогда не бывал доволен собой.

В декабре 1973 года Вильям Сароян отметил свое 65-летие. По этому случаю журнал «Нэшнл» опубликовал интервью с ним, в котором писатель критически оценивал американский образ жизни. Он утверждал, что только два процента американцев не находятся на положении рабов. Граждан США больше всего наказывает так называемая «тотальная» свобода, которая есть не что иное, как тяжелые цепи. В этом интервью писатель с сарказмом высмеял приспособленцев к существующим условиям, радовался, что у каждого есть альтернатива, сожалел, что не все ее видят.

Я напомнил Вильяму Сарояну об этом широко известном интервью.

— Человек обязан быть личностью, а не абсолютным нулем,— сказал он.— Долг писателя — никому не позволять забывать об этом.

По пути на прием, который дал для участников симпозиума в гостинице «Хилтон» министр иностранных дел Филиппин Ромуло, мы говорили на темы мира и войны

Вильям Сароян сказал много теплых слов в адрес мирной политики Советского Союза. Разговор зашел об опубликованном в американском журнале «Нэшнл джеографик» материале о людях на Филиппинах, находящихся на стадии каменного века. Сотрудники этого журнала описывали свое путешествие в труднодоступную, заросшую тропическими лесами местность в горах острова Минданао, где живет племя тасадаев, насчитывающее всего 26 человек, включая грудных детей. После этого в Соединенных Штатах раздались голоса, требующие прекратить космические исследования и направить средства на ликвидацию «белых пятен» не на Луне, а на Земле.

— Обвинять Луну в том, что она отвлекает средства от больших проблем Земли, было бы неразумно,— сказал Сароян.— У человека до полетов в космос было достаточно времени для исследования своей планеты. Мне кажется, что виноват не человек, а социальные условия общества. Когда не останется «белых пятен» на картах, докладывать о победе смогут только географы. Только констатации того факта, что в век кибернетики и атома еще есть люди, живущие в пещерах, не знающие одежды и пользующиеся природной пищей, которую находят в джунглях, недостаточно. Надо их одеть, пригласить жить в новые дома, накормить, а это уже не столько научная, сколько и социальная проблема.

— Теперь на Западе многие молодые люди цитируют утверждение французского писателя и философа Жан-Жака Руссо, сказанное двести лет назад: «Нет существа нежнее, чем человек первобытного общества».

— Видите ли,— улыбнулся Сароян,— Жан-Жак Руссо восхищался примитивным образом жизни, живя не где-то в джунглях острова Минданао, а в Париже, в довольно удобной квартире... Кстати, в нашей стране, особенно в Калифорнии, где климат круглый год мягкий, встречаются молодые люди, пытающиеся на практике доказать, что французский писатель не ошибался.

— Ну и каковы результаты?

— Иногда смешные, а иногда и грустные. Появились религиозные секты, которые начали практиковать первобытный полигамный образ жизни. Печать раздувает, рекламирует интимные отношения таких семей, которые состоят из нескольких отцов и нескольких матерей. Мо-

лодежь запоем читает подобные статьи и книги. И все это действует деморализующе, ведь каждое печатное слово может стать и бальзамом и ядом.

Прием проходил на двадцать втором этаже. Когда лифт остановился, дверь открылась и мы вошли в вестибюль, Вильям Сароян с воодушевлением сказал:

— Кое-кто пытается утверждать, что, чем большая аудитория создается техническими средствами, например телевидением, тем меньше воздействие на нее литературы. Это, конечно, неправда. Телевидение не разрушило театров, не погубит и литературу. Его воздействие зависит от актуальности произведения, его художественной ценности. Литература — не лифт, который поднимает или опускает людей. Настоящая литература только поднимает человека.

Разговорились об армянской и литовской эмиграции. О литовцах Сароян впервые узнал из книги Эптона Синклера «Джунгли». Это произведение потрясло всю Америку. Можно было и раньше представить, насколько тяжел труд на чикагских бойнях, но нарисованная большим художником картина страшной эксплуатации многим буквально открыла глаза.

— Эптон Синклер — непревзойденный энциклопедист нашей американской жизни; в своих публицистических произведениях он всегда поднимал актуальные проблемы, — заметил по этому поводу писатель.

Вильям Сароян с едкой иронией рассказывал о тех эмигрантах, которые не понимают веяний эпохи, потеряли чувство реальности. Только Советская власть, заметил он, создала условия для экономического и культурного расцвета маленьких народов.

В гостинице «Филиппинская деревушка» я узнал, что в Москву мы будем возвращаться не через Бомбей, а через Токио.

Выйдя в вестибюль, я услышал знакомый голос Вильяма Сарояна:

— Вы еще здесь?

Я с ним уже попрощался. Узнав о том, что мы задерживаемся, Сароян сказал:

— Если так, то мы еще должны выпить кофе.

Я достал свою записную книжку и попросил его написать несколько слов для читателей литовской газеты «Тисеса».

«Читателям „Тие-сы“, — написал Сароян. — Я всегда восхищался людьми Литвы и их литературой. Долгих лет вам. С симпозиума писателей Африки — Азии».

...Спокойный свет свечей колебался под сводами зала Махарлика, играл в гирляндах перламутровых ракушек, величественно спускающихся с потолка и сверкающих всеми цветами радуги. Мы сидели за массивными круглыми столами и ждали президента страны Фердинанда Маркоса. Согласно протоколу, президент вместе с супругой должен был появиться в этом зале, во дворце,

В школу

где он жил и работал, ровно в 19 часов. Оставалось еще несколько минут, и у нас было время осмотреться.

Зал высокий, стены — из темного дерева. Над одним длинным столом висел балдахин из красного бархата, расшитого золотом. Паркет блестел, как венецианское зеркало. На столах высились массивные серебряные подсвечники, крепко держащие в своих холодных руках длинные белые свечи. Пахло воском и цветами сампегиты. От темного потолка, стен, украшенных портретами знаменитых филиппинцев, и, как показалось мне, даже от спокойного пламени свечей исходила приятная стереофоническая музыка. Казалось, мы сидим не за накрытым столом, а посреди какого-то странного симфонического оркестра, играющего и без музыкантов, и без дирижера.

Но дирижер был, потому что оркестр вдруг умолк, и в конце зала широко распахнулась дверь.

Фердинанд Маркос и его супруга прошли к центру зала и, поднявшись на возвышение, слегка поклонились. Теперь все мы — участники симпозиума — поднялись и обменялись рукопожатиями с хозяевами вечера. Раздалась нежная музыка, и на середину зала вышли официанты. По взмаху руки метрдотеля, они разошлись каждый к своему столу. Через некоторое время все они снова собрались в середине зала и одновременно покинули его. С одной свечи, стоящей на нашем столе, скатилась капля горячего белого воска и застыла на основании серебряного подсвечника. Как только свечи догорят — закончится обед. Такова здесь традиция, и никто не вправе ее нарушить.

В зале, в котором мы теперь обедали, чувствовалось оживление. Был произнесен не один тост. Я смотрел на свечу, стоящую на нашем столе. Еще одна капля благоухающего горячего воска покатила по белому ее стволу вниз. Она была тяжелее своих предшественниц, поэтому оторвалась и, упав на основание серебряного подсвечника, разлилась в бесформенное пятно, напоминающее выброшенную на берег медузу.

Небольшое пламя над свечой медленно, но уверенно сокращало ее век. Такова уж судьба у свечи — чем быстрее она отдает другим свое тепло и свет, тем быстрее умирает сама. Вдруг распахнулась дверь, и в зал вошли красочно одетые оркестранты, вбежали легкие как газели танцовщицы.

Ритмы музыки и настроение танца действуют не только на людей. Свечи, словно забыв, как мало им осталось жить, засверкали еще ярче своим горячим пламенем.

Но время шло. Свечи угасали. Закончился вечер во дворце.